

Двуглавый Орден Империи Лосс

ОДНА МАГИЧЕСКАЯ ДЛАНЬ

Алекс Нагорный

Новая летопись Империи Росс

Алекс Нагорный

**Двуглавый Орден Империи
Росс. Одна Магическая Длань**

«Алекс Нагорный»

2021

Нагорный А.

Двуглавый Орден Империи Росс. Одна Магическая Длань /
А. Нагорный — «Алекс Нагорный», 2021 — (Новая летопись
Империи Росс)

«В середине мая в Челябинске гораздо теплее, чем в Армагорске. Особенно днём. Но окна в просторном кабинете генерал-губернатора были закрыты. Ни к чему давать возможность, хотя и призрачную, но всё же возможность, подслушать разговор Светлейшего князя с его посетителем. Вряд ли за особняком, в котором размещалась резиденция Челябинского генерал-губернаторства, не следил ни один шпион Филарета. Во всяком случае, со стороны шпионов это было бы неправильно...»

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвёртая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алекс Нагорный

Двуглавый Орден Империи Росс. Одна Магическая Длань

Пролог

В середине мая в Челябинске гораздо теплее, чем в Армагорске. Особенно днём. Но окна в просторном кабинете генерал-губернатора были закрыты. Ни к чему давать возможность, хотя и призрачную, но всё же возможность, подслушать разговор Светлейшего князя с его посетителем.

Вряд ли за особняком, в котором размещалась резиденция Челябинского генерал-губернаторства, не следил ни один шпион Филарета. Во всяком случае, со стороны шпионов это было бы неправильно.

– Правила эти не я придумал. – Повторил князь Таймуразов своему гостю. – Не мне и отменять.

– Что, совсем никакой возможности? – не сдавался гость.

– Да сядь ты, не маячь! – и, указав посетителю на стоявшее у его стола кресло, его светлость продолжал: – И вот что ты о них так печёшься? Давай-ка лучше наливочки выпьем. Абрикосовая. – С этими словами он налил означенную наливку в обе рюмки. – Шастаешь месяцами невесть, где, а примчишься, и даже посидеть со старым другом тебе некогда.

– Дела, дела, Тимофей, я не сделаю, кто сделает?

– Ну да, ну да! Один ты о державе печёшься. Всем остальным, наплевать и растереть. Так что ли? Я вот тоже знаешь ли не сижу сложа руки, хотя и не как раньше. Нахожу минутку для отдыха. И для старых друзей тоже. С полсотни просителей ждут, пока мы с тобой наговоримся.

– Вот и давай, поторопимся!

– Да что ты прям, я не знаю! – хлопнул рукой по столу генерал-губернатор. – Ну, вот как с тобой говорить?! Сядь! Расскажи толком, что у вас там происходит, как там... – он вдруг хохотнул над пришедшей в голову мыслью. – Да! Как там барон поживает? Баронессой не обзавёлся?

– Нет пока. – Ответил посетитель, садясь, наконец, в кресло у стола.

– Чего так? – оживился князь, подавая гостю рюмку. – Неужто всё ещё по Катерине сохнет?

– Скажешь тоже! – отмахнулся от него гость, но рюмку принял.

– А чего тогда?

– А ты вызови его да сам и спроси.

Князь усмехнулся чему-то и сказал:

– Я ему теперь не командир, чтоб приказывать. Сам скоро приедет.

Человек, сидевший напротив генерал-губернатора, пристально посмотрел ему в глаза, и казалось, проник в ход его мыслей. Не каждому Светлейший позволял такие вольности.

– Хочешь сказать, что государь... – гость не закончил фразу.

– Думаю, да. На всё его воля! Да и пора бы уже.

– Давно бы уже пора!

– Ну, чтоб так и было! – поднял рюмку хозяин кабинета.

Они чокнулись. Наливка приятным горячим нектаром обожгла горла обоим. Тимофей Бикбулатович крякнул, потупился и сказал:

– И то сказать препустейший был человечиска этот Выцкий, кабы не Александр Андреич, так наплевать бы на него! А вишь нет! Маркграфом пожаловали, как же! Вот он нос и задрал. Шаркун придворный! Одно слово – маркиз! – Светлейший вздохнул. – Да чего теперь-то...

Гость поставил опустевшую рюмку на стол и в очередной раз задал вопрос:

– Точно не получится? Ты же, как ни как – тайный советник, не баран наччал!

– Тьфу ты! – В сердцах сплюнул тайный советник. – Ксиаджаныч! Китаёза монгольская!

Сколько тебе говорить чёрту нерусскому? Нет!!!

– Жаль. Очень бы помогло.

– А ты с чего взял, что они и в самом деле дворяне? – Светлейший, похоже, всё-таки вспомнил, что лучшая оборона – это нападение. – Это они тебе так сказали. А на самом деле врут, поди. Сбежали от какого-нибудь Апраксина, а тут ты. Вот они и давай стараться. Кто ж от дворянства на дармовщинку-то откажется? Не-е-ет!!! Вот пуцай послужат!

– А девчонка? – спросил тот, кого князь назвал Ксиаджанычем.

Светлейший вперился в него взглядом, а потом выдал:

– А девчонку замуж! За барона! – и сам же расхохотался собственной шутке. – Одним выстрелом – двух зайцев! А? Каково?

Снова наполнив рюмки, он произнёс тост:

– За баронессу фон Кобелль!

– Дурак ты, Ваше превосходительство! – ответил хозяину гость.

Они посмеялись, чокнулись и выпили.

– Пуцай пообвыкнутся малость мешанами, а там поглядим. Может, сам ещё передумаешь. Ну а если и впрямь дворянство выслужат, то, значит, так тому и быть.

Глава первая

Мы с Вованом решили сделать перерыв. Вован остался немного прибраться, а я как начальник пошёл разузнать на счёт перекусить. Тоня сообщила, что у неё почти всё готово и, что она нас скоро позовёт.

Я же в свою очередь оповестил её о том, в каком месте нашего необъятного подворья надо будет нас искать. По крайней мере, меня.

Я снял рубаху, наскоро ополоснулся из кадки и присел на колоду, прислонившись спиной к стене нашего здоровенного сарая. Такие здесь, кстати, *дворами* называют. Солнышко ласково припекало...

– Не спи! Зима приснится – замёрзнешь! – тут же услышал я над головой.

Блин! А ведь точно, уснул.

– Вставай, работничек! Пойдём, перекусите. – Пригласила Лерка.

Пока я надевал рубаху, стоявшая рядом Лерка, сообщила:

– Семён приходил.

– Чё хотел?

– Сказал, что ледник чистить, они третьего дня придут.

– Третьего дня, это в среду что ли? – уточнил я, просовывая голову.

– Типа того.

– Чем кормить будешь, хозяйюшка?

– Картошка с солёными огурцами подойдёт? – осведомилась Лерка, явно насмехаясь.

– А как насчёт мяса там какого-нибудь? – надеясь на лучшее, поинтересовался я.

– Курица. – Коротко порадовала меня сестра.

– Опять? – беззлобно попенял ей я.

– А ты чё? Утку по-пекински хотел? Это к господину Ли, знаешь ли? – пошутила в ответ Лерка. – Пошли уже!

И мы стали подниматься на плюс-первый этаж нашего коттеджа. Коттедж – это мягко сказано, домино хоть и рубленый деревенский, но здоровенный. Десять саженей по главному фасаду, семь по боковому и ещё двор.

Всем этим «великолепием» мы с Леркой владеем уже третью неделю. У добропорядочных мещан должна быть своя недвижимость в городе, а поскольку мы с Леркой теперь мещане, то пришлось и нам стать домовладельцами.

Дом наш находится на самой окраине Армагорска, поэтому к дому нам полагается ещё и несколько соток приусадебного хозяйства. По документам вместе с домом мы приобрели три казённых десятины земли, но большая их часть находилась где-то в полях, и предназначалась для посевов и сенокосов.

Вован всё порывался приступить и к их освоению, но поскольку дом долгое время простоял без хозяев, то сейчас мы занимались тем, что приводили его в порядок. А наши загородные «владения» могут и подождать.

Всё это богатство досталось нам за семнадцать рублей. По местным деньгам это очень дорого, особенно в этом месте, потому что окраина. Но нас оно прельстило относительной близостью к школе.

Хозяин умер три года назад, а поскольку наследников не нашлось, то дом, как вымороченное имущество перешёл в собственность города.

Собственно нам не обязательно было покупать именно его, просто из всего предложенного он больше всего подходил для воплощения наших планов в жизнь. А их, планов имелось в достатке. Но не всё было так просто.

Короче, дело было так. Возвёлся я из бани, а тут к нам гонец от дяди Коли Батлера, старый наш знакомец Ерёмин. Деньги обещанные привёз, те, что они накануне поставили на Шемякина против Лерки, ну и кроме денег ещё и приглашение на обед к товарищу старшему майору. А поскольку такими предложениями манкировать не стоит, то одевшись во всё «лучшее», мы вместе с Ерёминым отправились в резиденцию господина Горбунова, тем более что нас ожидал экипаж.

Управлял бричкой другой солдат в синем мундире, его мы раньше не видели. Хотя, здесь в Армагорске мы много кого ещё не видели. Почти всех. Я помог Лерке взобраться и сел сам. Ерёмин, естественно, взгромоздился на козлы рядом с водителем, (ну, это как в песне: «Я – не извозчик, я – водитель кобылы»), и мы тронулись.

По дороге боец Ерёмин, оказавшийся довольно словоохотливым малым, восхищался леркиными достижениями в рукопашном бое и всё выпрашивал, как научиться такому искусству, и долго ли это. Параллельно он очень красочно описывал своему напарнику сцену поединка с Шенякиным, а тот восхищался словами типа «О, как!», «Вот ведь!» и «Ишь ты!».

Следуя на квартиру к господину Горбунову, мы почти весь город проехали. Он жил в двухэтажном каменном доме. Квартир в нём, думаю, было не меньше трёх. Владел майор этой квартирой или просто снимал, я решил пока не выяснять.

Сама квартира не производила впечатления шикарных апартаментов, хотя, само собой, многократно превосходила наш номер и по размерам, и по богатству внутреннего убранства.

Сам дядя Коля, одетый в облегченную версию синего мундира, встретил нас в гостиной на втором этаже. Пожал руку мне, поцеловал Лерку и отпустил Ерёмину, приказав дожидаться в людской.

– Прошу вас, присаживайтесь! – предложил хозяин.

Мы с Леркой присели на диван, похожий на наш, но побогаче.

– Благодарю вас, господа, за то, что любезно согласились принять моё приглашение.

– Ну, как же?! – сделала удивлённое лицо Лерка. – Мыслимое ли дело отказывать, когда тебя в гости приглашает сам всеильный глава безопасности такого крупного города как Армагорск?

– Валерия Константиновна, Вы мне льстите! – заулыбался Батлер Михалыч. – Не такой уж я и всеильный, не такой уж и глава, да и город у нас не так и велик, как Вы расписали.

– Огромнейший городище! – заверила его Лерка. – Это Вы просто в Кэрнсе не бывали! Две тыщи жителей, только и всего. Почитай, что все друг друга знают. А у вас город просто гигантский! Тысяч сто, наверное?

– Во имя светлого неба! Какие сто тысяч?! – воскликнул Батлер. – И сорока-то не наберётся! Тридцать восемь.

– Во-о-от! – назидательно протянула Лерка. – В двадцать раз больше. Другие масштабы! Батлер нахмурился:

– Простите, Валерия Константиновна, Вы какое-то австралийское словечко сейчас употребить изволили. Другие *что*?

Теперь Лерка нахмурилась:

– Масштабы? – переспросила она.

– Да. Маштабы, – подтвердил Батлер.

– А-а-а! Так это не австралийское слово! А очень даже немецкое, правда, в дословном переводе оно имеет несколько другое значение. – Тут Лерка немного замешкалась, подбирая подходящее объяснение.

– Мерная палка, – уверенно произнёс я, потому что точно знал перевод этого слова.

– Мерная палка? – удивился дядя Коля. – А причём здесь мерная палка?

Лерка метнула в меня молнию своего сурового взгляда, а Батлеру пояснила:

– Ну, это дословный перевод, а смысл в том, что размах у вас здесь крупнее. Вот когда карту местности рисуют, там же нельзя изобразить объекты в их реальных размерах. Поэтому их уменьшают в каких-то определённых пропорциях, например, один к тысяче, или к миллиону.

– К один к миллиону? Это как? – не понял Батлер.

– Давай я объясню, – предложил я Лерке и, не дожидаясь согласия начал: – Когда составляют карты больших территорий, то приходится иногда в один сантиметр вмещать по десять, а то и больше километров пространства.

– Александр Константинович, а что такое эти сантиметры и километры?

Я смутился. Вот опять попался на терминах из нашего времени.

– Это, Николай Михалыч, такие меры длины у нас в Австралии. Километр – это почти как верста, – я быстренько прикинул и выдал: – Четыреста шисят девять сажений.

– Ну, это Вы сейчас с путевой верстой сравнивали. – Сказал дядя Коля. – Она в пятьсот сажений, а есть ещё межевая, та в тысячу.

Я призадумался, но особых проблем не увидел и так Батлеру и сказал:

– Ну, про километр Вы меня, я надеюсь, поняли. А сантиметр, он аккуратненько в сто тысяч раз меньше километра. – Решил пояснить ещё доходчивей: – У нас в Австралии основная единица измерения – это метр. Всё остальное – это производные от него. Километр – это тысяча метров. Дециметр – одна десятая метра, сантиметр – сотая, миллиметр – тысячная.

– Толково! – восхитился Батлер. – Лизавета! – крикнул он вдруг и, как ни в чём не бывало, продолжил разговор со мной: – Ну, а пространства... поля, например, или огороды как меряете?

– Огороды сотками меряем. – Ответил я. – Сотка – это сто квадратных метров.

– Квадратных? – переспросил Батлер.

Дверь открылась и появилась горничная лет сорока пяти.

– Звали, барин?

– Лизавета, накрывай, голубушка, в столовой на три персоны. – Распорядился барин.

Голубушка поклонилась и степенно удалилась, закрыв дверь. Барин же снова вернулся к вопросу о единицах площади:

– Квадратные метры – это...

– Это квадраты со сторонами метр на метр, – ответила за меня Лерка.

– Ага! – обрадовался Батлер. – У нас тоже квадратные сажени есть, ну, и когда надо, кубические.

Мне прям полегчало, если у них есть такие понятия, то разберёмся.

– У нас тоже! – сообщил я, и поправился: – В смысле у нас кубометры есть! А поля мы гектарами меряем.

– Ну, вот! – расстроился Батлер. – Только что говорили, что у вас там всё от метра идёт, и вдруг гектары какие-то!

– Гектар – это сто соток. – Тут же попытался исправить положение я.

– Да! – подтвердила мои слова Лерка. – Сотку по-другому ещё *аром* называют. Ар. Гектар – сто аров.

– О! – изумился Батлер.

– Да! А сто гектаров – это один квадратный километр. – Вернул я логику в нашу метрическую систему.

Батлер задумался, и немного погодя сказал:

– Господа, я ещё не всё понял, но мне кажется, что ваш способ мерять длину и пространство совершеннее нашего, хотя и непривычен. Но про масштаб я всё же просил бы рассказать подробнее.

Мы с Леркой переглянулись.

– Ну, давай ты, раз уж начал! – передала слово мне сестра.

– Хорошо! – согласился я.

Дверь снова открылась. Появившаяся Лизавета сообщила:

– Всё готово, Николай Михальч!

– Прошу, господа! – сказал он вставая.

Мы с Леркой проследовали за ним в соседнюю комнату, которая, вероятно, и являлась столовой, потому что накрыто было именно в ней. Да и стол своими размерами не оставлял сомнений.

– Валерия Константиновна, позвольте поухаживать! – с этими словами дядя Коля схватил один из стульев, рядом с которым стояла тарелка.

Лерка любезно ему улыбнулась и присела, а Батлер придвинул её стул к столу... или нет... сначала он придвинул, а потом она села... как-то так, короче.

Мне он указал на стул слева от Лерки, а сам сел напротив. Усевшись, он хитро глянул на нас и, сделав довольно простецкую фигуру из двух пальцев правой руки, изображавших нечто размером в пару сантиметров, спросил:

– Для аппетита?

– Наливочки? – поинтересовалась в ответ Лерка.

– Можно и наливочки. А коли пожелаете, то и винца.

– Сухое? – уточнила Лерка.

– А какого хотите больше? – осведомился у неё Батлер.

– Больше не надо, – ответила та. – Вот сколько показали, столько и налейте.

Дядя Коля хохотнул, оценив шутку. Но всё же задал неизбежный вопрос:

– А какое предпочитаете?

Мне сразу захотелось добавить: «В это время суток», но я всё-таки не стал.

– Херес! – выдала Лерка.

Я не мог назвать себя знатоком тонких винных ароматов, но, по-моему, она ему какую-то каверзную загадочку загадала. То, что я в этот раз правильно подумал, мне подтвердило ещё и озадаченное выражение лица дядюшки Джерарда.

– Да ладно! – махнула рукой Лерка. – Пошутила я! Каким девушку угостите, то ей и сгодится!

– Так уж и любое? – хитро прищурившись, спросил хозяин.

– Ну, хорошо бы полусухое, полусладкое... – тут на её лице проступила коваренькая улыбочка. – И полукрасное.

– Полукрасное??? – чуть ли не одновременно воскликнули мы с Батлером.

– Ну, розовое... Ну? – разочарованно пояснила сестра.

– А-а-а! – так же слаженно протянули мы.

– Найдётся! – бодро ответил товарищ майор. – А Вы, Александр Константинович? Может водочки?

Я не был особым любителем водочки, но мне показалось, что Батлеру нужна компания именно в этом виде спорта, поэтому ломаться не стал и кивнул.

Пока хозяин доставал из серванта бутылки, Лизавета разлила нам по тарелкам суп, по виду куриный. Вернулся Батлер, разлил напитки по рюмкам, кстати, совсем даже небольшим.

– Ваше здоровье, Валерия Константиновна! – провозгласил хозяин, мы чокнулись и выпили.

Водка оказалась не такой уж и крепкой. Это ведь Менделеев с помощью своей знаменитой таблицы изобрёл уникальный русский напиток – сорокаоборотную водку. А тут он ещё и не родился даже, так что ничего удивительного, что концентрация этанола в водке слегка занижена.

Слегка «закусив» супом Батлер уставился на Лерку:

– Валерия Константиновна, а что это Вы такое делаете?

Лерка, которая, попробовав суп, отложила ложку и зачем-то взяла тарелку в руки. Ну, не то что бы прямо взяла, но как бы держала её в ладонях.

– Извините. – Смутилась она.

Я тоже попробовал суп и сразу понял, чем там занималась сестра. Он просто горячий. Лерка очень горячий не любит, поэтому, наверное, она его и охлаждает.

– Это какой-то Австралийский ритуал? – предположил дядя Коля.

– Ага, – скромно кивнула Лерка.

– А я ведь грешным делом подумал, что суп слишком горячий, и это Вы его так остудить решили.

Мы с Леркой переглянулись.

– А что так можно сделать его холодней? – типа удивилась сестра.

– При известной сноровке можно, – нехотя ответил Батлер. – Жаль вот только я не сподобился магической печатью... А то бы в раз! – И он засмеялся.

Лерка не стала раскрывать свои способности. Успеется!

– Я немного подожду, – сказала она, откидываясь на спинку стула. – Пусть всё же чуть-чуть остынет.

– И то верно! – согласился Батлер и, перейдя на более серьёзную тему, сказал: – Я вот о чём с вами хотел поговорить, господа. Вот вы давеча отказались от предложения господина Насонова обучить его или Трошку своему народному... как вы его называете? На корыто похоже?

– Каратэ. – Подсказала Лерка.

– Именно! – обрадованно воскликнул Батлер. – И причину вы очень верную обозначили. Беспорядков и без того хватает. А вот ежели на это с другой стороны поглядеть? – и он для убедительности, наверное, сделал руками движение, которое должно было, видимо, обозначать поворот для обозревания проблемы с противоположной стороны. – Чтобы значит для уменьшения этих самых беспорядков...

– Ваших солдат обучить. – Закончила за него Лерка.

Батлер тоже откинулся на стуле и, похоже не найдя слов, односложно согласился:

– Да!

Всё, в общем-то, ожидаемо, я бы на его месте тоже этим вопросом бы озадачился. Вот только что ему ответить? Сразу соглашаться не стоит, это понятно, отказывать вообще нельзя, а как правильно поступить? Сказать: «Мы подумаем!»? Банально. Надо вступить в диалог. Пока я так размышлял, Лерка в диалог уже вступила:

– Видите ли, Николай Михайлович, – она это как-то не спеша произнесла, походу, опять какая-то хитрушка от Руслана. – Мы ещё пока сами не знаем, чем мы тут можем заниматься, а чем нет. С господами с рынка и так всё понятно, а вот с остальным... – Она развела руками. – Шен Косиджанович нас хочет в вашу школу определить. Мы бы рады, конечно, да только не знаем, возьмут ли.

– Если способности есть, то возьмут! – тут же ответил ей Батлер. – Это меня бесталанного не взяли бы, а вас-то возьмут!

– А вдруг и у нас нет талантов? – как бы усомнилась Лерка.

– Да полно! – Воскликнул дядя Коля. – Уж кто-кто, а Шен Косиджанович это бы сразу увидел! А раз в школу вас сватает, значит, видит у вас способности. – Тут он сделался совсем серьёзным и добавил: – И смею думать, что немалые. Господин Ли просто так никому не помогает в магическую школу поступать. Есть у него причины за вас хлопотать, это уж поверьте!

Мы с Леркой переглянулись. Про способности Шен и сам нам говорил, только про странные очень способности – типа оборотни мы, но то что у него на нас ещё и планы какие-то имеются... Это... Да, в общем-то, и это можно было предвидеть, ведь не только из-за того,

что я его из тюрьмы выкупил он нам помогает. Да ещё и не факт, что из тюрьмы той он без меня выйти не мог...

– Ну, тогда получается, что нас точно примут! – сказала Лерка.

– Деньги ещё понадобятся, и не маленькие, – напомнил нам дядя Коля. – Но, думаю, у вас за этим дело не станет! Вы, Валерия Константиновна, больно уж хватко торгуетесь, доложу вам!

Лерка деланно засмушалась:

– Скажете тоже, товарищ майор!

Батлера не то что бы перекошило, но удивился он знатно.

– Вы Валерия Константиновна, – вымолвил он, наконец. – Уж больно чудно меня величаете. Выходит, что я и не майор даже, а только его товарищ – вроде как капитан что ли...

– Ой! – закрыла рот руками Лерка.

– У нас в армии, господин премьер-майор, такое обращение принято. Не господин, а товарищ. Понимаете? – полез с объяснениями я. – И ещё, в нашей армии чин майора только один. Премьер-майоров и секунд-майоров нет. Просто майор. И всё.

– А-а-а! Вот в чём дело! – похоже, товарищ майор и правда, понял. – Только Вы всё равно про товарища... не надо, в общем. Не все поймут. Да что это я?! Никто не поймёт, пока не объясните, а всем и не объяснишь! Кто-нибудь обязательно сатисфакции требует. Я бы вот точно смог бы! – он малость сбавил тон: – Ну, это если б не знал, что вы не отсюда.

Повисла неловкая пауза. Ну, про неловкую это я так, для красного словца, просто пауза. И я решил её заполнить:

– Николай Михалыч, а почему они так называются: секунд-майор и премьер-майор?

Батлер посмотрел на меня, как будто раздумывая, потом сказал:

– Премьер значит первый, а сэконд – второй. Вот и получается, что премьер-майор главнее секунд-майора. Этот первый, а этот второй.

Как ни странно, но всё действительно сразу встало на свои места. Просто и понятно. И как это я сам про склад не догадался?

Лерка тоже решила прояснить для себя кое-что:

– Николай Михалыч, а что у вас в Сибири означает слово **товарищ**? У нас – это просто такое обращение, типа господин или сеньор. А у вас?

Батлер снова задумался.

– Товарищ – это вроде как помощник, но такой важный, серьёзный помощник. – Он опять задумался.

– Заместитель? – предположил я.

– Что? А, да! Скорее всего, именно заместитель.

Лерка мочканула прямо от души:

– Тогда получается, что Вы – Товарищ подполковник! Так?

У дяди Коли просто челюсть отвисла.

– Ну, Вы же у подполковника Латышева заместитель? – Блин, и как это она фамилию начальника гарнизона запомнила? Н-да...

– Заместитель... верно. – Медленно, наверное, пытаясь осмыслить сказанное Леркой, проговорил премьер-майор, которого, похоже, сроду так не обзывали. – Только господин Латышев полуполковник, а не этот, как Вы изволили выразиться подполковник.

– А! Ну, тогда **товарищ полуполковник!** – выпалила ничуть несмутившаяся Лерка.

Дядя Коля Батлер, товарищ полуполковника Латышева и первый майор Армагорска, похлопал глазами, не находя, что сказать, но собрался-таки с мыслями и произнёс:

– Так-то оно, конечно, верно, только лучше всё-таки не надо. Лучше говорите, как у нас тут заведено и в артикуле, кстати, прописано тоже. Говорите «господин премьер-майор», и все поймут, а так как Вы придумали... так нет... так не нужно.

Было видно, что это всё ему далось не просто, но из уважения, которое ему своими навыками рукопашника внушала Лерка, он сдерживался. Сама же победительница великанов, наверное, поняв нэвмэстность своих умствований, решила перейти прямо к делу:

– А сколько, господин премьер-майор, солдатиков Вы обучить хотите?

– Так всех! – озвучил свои скромные запросы дядя Коля.

– Всех??? – Лерка так удивилась, что даже пару ложек супа отхлебнула.

Я посмотрел на озадаченную сестру и спросил:

– А сколько их всего?

– Три кумпанства инфантерии да эскадрон ландмилиции. – Не задумываясь выдал нам военную тайну замначгара. – Есть ещё батарея о шести пушках и фортификаторы, но их учить не надо.

Лерка посмотрела на меня, типа «давай ты». Я ни хрена не понял, поэтому начал уточнять:

– А кумпанство – это что такое?

– Рота линейной пехоты с хозяйством.

– Рота – это сто человек? – постарался угадать я.

– Двести двенадцать. А иной раз и поболее. – Осадил меня Батлер.

– Ого! Шестьсот тридцать чаловек. Да это же целый полк! – быстренько сосчитала Лерка.

– Шутите, Валерия Константиновна! Какой же полк? Батальона и то не наберётся! Вот и командует ими **капитан** Алексеев. Все сроки на секунд-майора уже выслужил, ан нет! Всё ещё капитан.

– А милиция? – напомнил я. – Эскадрон.

– Ландмилицией секунд-майор Мохов командует. Хотя и у него эскадрон только о четырёх ротах. А надобно пять.

– Вот ещё восемьсот пятьдесят. – Прикинул я. – Полторы Тыщи!

– И как их всех учить? – спросила у меня Лерка.

Я не знал ответа. Хотя, чего тут думать? Всех вместе учить их не реально. Я так и сказал.

Батлер призадумался. Молчал он минуты две-три, потом всё же начал рассуждать вслух:

– В гарнизоне у нас... так... одно кумпанство в карауле, это значит, два плутонга на постах, да два на подмену. – Он то загибал пальцы, то снова их разгибал. – Кумпанство по казармам. Один плутонг при заводах, да плутонг на подмену... и два по казармам...

Мы с Леркой сначала просто молчали, но подсчёты продолжались, и мы всё-таки чуток похлебали супчика. Как-никак обед.

В итоге оказалось, что полэскадрона где-то в уезде шарится, а из двух оставшихся рот одна патрулирует город, и только одна постоянно в казармах. Опять же конная рота малость поменьше пехотной, в ней только сто пятьдесят человек. Но был и ещё один неприятный момент. Казармы пехотинцев располагались в получасе ходьбы от кавалеристских. И это как-то надо было учитывать.

– Нет! – решительно сказала Лерка. – Не сможем мы одновременно учить пятьсот человек. Надо как-нибудь по-другому.

Как именно по-другому она не объяснила, а я не знал. Не знал и Батлер. Ситуация зашла в тупик. Но поскольку некоторые вопросы на трезвую голову вообще не решаются (в том смысле, что без полулитры не разберёшься), главный майор Армагорска снова наполнил наши рюмки. Мы выпили, и дело сдвинулось.

– А точно их всех учить надо? – осведомилась Лерка.

– Лучше бы всех. – Ответил ей Горбунов.

– Всех сразу всё равно не сможем. – Настаивала та.

– Да, действительно! – поддержал я сестру. – Может лучше по очереди?

– Саша! – занервничала напарница. – По очереди мы их до ишачей пасхи будем учить!

- До чего? – заинтересовался было Батлер, но Лерка была лаконична:
- Очень долго и совсем безрезультатно.
- Да! – снова поддержал её я. – А Вам ведь не надо безрезультатно?
- Нет! – согласился дядя Коля. – Безрезультатно не надо. Надо результатно.
- Во-о-о-от! – протянула Лерка, назидательно потрясая указующим перстом.
- Ты что-то придумала? – спросил я.
- Пока нет. Надо обмозговать. – И взяв ложку, начала обмозговывать.

Я последовал её примеру. Суп, конечно же, остыл, но мозговой деятельности это не мешало.

- А спортзал у вас большой? – осведомилась Лерка.
 - Кто? – не понял Батлер.
 - Зал. Помещение для занятий. – Пояснил за неё я.
- Батлер задумался.
- Нет у нас такого. – Выдал он, наконец.

Это было одновременно и хорошо и плохо. Хорошо потому что прямо сейчас занятия начинать негде, а значит, можно повременить с ответом и всё хорошенько обдумать. Плохо потому что если зала не будет, то мы не сможем оказать услугу товарищу майору, а он ведь и обидеться может. Не хотелось бы.

- А просто на улице нельзя? – предложил решение Батлер.
 - А дождь? А снег? А грязь? – напомнила ему Лерка.
- Товарищ майор погрузился. Но ненадолго.

- Так если без него никак, то и построить не грех. Какого размера зал нужен?

Мы переглянулись. Лерка взглядом предоставила объясниться мне. Я задумался. Всё опять упиралось в численный состав группы. Хотя, чё это я?! Больше пятидесяти человек за раз учить всё равно не выйдет. То есть можно, конечно, но эффективность такого обучения резко падает. Взвод! Точно! Так и надо. Взвод у них здесь, если я правильно понял, плутонгом называется.

- Лер, – обратился я за поддержкой. – Если по писят человек? Осилим?

Она тоже не сразу ответила, прокачала идейку.

- Только если вдвоём.

- Вдвоём, вдвоём!

- Тогда осилим. А какой размер зала? – вопрос был обращён ко мне, и я снова задумался.
- Блин! А чё я туплю?! Школьный спортзал как раз на сорок человек.

– Десять на двенадцать сажений. – Озвучил я результаты воспоминаний о спортзалах. – Лучше, конечно, десять на пятнадцать. Это если снаряды ставить.

- Что ставить? – переспросил дядя Коля.

- Тренажёры. – Пояснил я, но Батлеру яснее не стало.

- Это такие специальные штуки, которые нужны для обучения. – Вмешалась Лерка.

Батлер в этот раз долго не думал:

- Ну, надо так надо. Пятнадцать так пятнадцать. А внутри как устроить?

– Полы нужно сделать такими, чтобы по ним босиком ходить. – Озвучил я первую же пришедшую в голову мысль. – Потолки сажени две, лучше три. И окна большие. Чтоб светло было и чтобы проветривать.

- Раздевалки нужно сделать, чтобы переодеваться. Одну для них и одну для нас.

- Переодеваться? – с сомнением переспросил главный майор Армагорска.

- Ну, да! – подтвердила Лерка. – После интенсивной тренировки они у Вас взмокнут все.

И это... мы же не будем прямо в этой одежде заниматься. – И она показала на костюмчик, в котором вчера так ловко дралась на рынке.

- Понял, продумаю. – По-военному чётко ответил ей дядя Коля. – Лизавета!

Дождавшись её появления, хозяин произнёс буднично, но с достоинством:

– Подавай горячее.

В роли горячего очень убедительно выступил жареный гусь. Лерка бросила на меня уничтожительный взгляд и предложила Батлеру самому порезать его, гуся, в смысле. Ну, да. Я же и курицу правильно порезать не смог, а тут целый гусь.

Товарищ майор непринуждённо расчленил важную птицу высокого полёта, Лерка умиленно вежливо попросила себе кусочек грудки, ну, и за меня тоже словечко замолвила. То есть, чтобы дядя Коля и мне такой же положил. Дядя Коля, не моргнув глазом, выполнил обе просьбы.

Под «дичь» хозяин разлил ещё по одной. Закусив, мы приступили к следующему раунду переговоров.

– Николай Михайлович, – вкрадчиво начала Лерка. – Нам просто необходимо обсудить один безумно важный вопрос.

– Какой же, Валерия Константиновна?

– Гешефт. – Мягко произнесла сестра.

Николай Михайлович приподнял брови, переспросил:

– Что простите?

– Что мы с братом будем с этого иметь кроме личной благодарности господина Горбунова?

Господин Горбунов всё прекрасно понял, но, походу, просто не смог удержаться от ехидного уточнения:

– Правильно ли я понимаю, что личной благодарности одного Горбунова не хватит?

– Ну, в общем, хотелось бы ещё что-нибудь. – Мягко намекнула Лерка.

– Могу присовокупить к своей ещё и личную благодарность вахмистра Шемякина, подпоручика Банакера, поручика Волкова, надпоручика Инжеватова, капитана Алексеева, секунд-майора Мохова, полуполковника Латышева. Ну, и если всего этого не достанет, то и личную благодарность князя Тихонравова. – Испытующе глядя на Лерку, дядя Коля перечислил всех, кто будет нам лично благодарен.

Сестрица стоически выдержала удар и не преминула нанести свой:

– Простите, или я прослушала... Или Вы действительно не упомянули среди этих достойных господ поручика Ржевского?

Да. Классно прикололась! Батлер аж в лице переменялся, до этого весь подтянутый бравадный старший майор как-то сник, что ли... Горящие глаза потухли, спина ссутулилась.

– Уж даже и не знаю, стоило ли, – промолвил он, наконец. – Ну, раз уж Вы с ним знакомы... можно и его. Хотя ему-то, наверное, и вовсе не в коня корм...

Я посмотрел на Лерку. Ну, вот как так? Ведь пальцем в небо, а поди ж ты! Попала!

На её мордашке ни один мускулишка не дрогнул, и она, ничуть не смутившись, поинтересовалась:

– Чего так? Пьяница и дебошир почище Синицына?

– Кто??? Ржевский????!! – Горбунов только что не подпрыгнул от удивления.

– Или он у вас бабник, каких мало?

– Да помилуйте, Валерия Константиновна! Какой же Ржевский... А-а-а! – и он сокрушённо рукой махнул.

Он нервничал, ёрзая на стуле, несколько раз порывался что-то сказать, но видимо не находил слов.

Потом решительно налил себе полную рюмку, и залпом осушив её, шумно выдохнул.

– Рже-е-евски-ий! Па-ару-учи-ик! Мать его... – с нескрываемым презрением процедил Батлер. – Да как его вообще... Не ступить не молвить не умеет! Не офицер, а сплошное недоумение! Огородное пугало и то больше на военного похоже!

– Что, всё так плохо? – удивилась Лерка.

– Да если б не эта... как её... БАЛИСТИКА!!! Так и списали б давно к чёртовой матери! Посмешище!!!

Товарищ майор поручика явно недолюбливал. Хлопнув ещё разок, он смягчился и уже почти спокойно спросил:

– Да когда ж Вы, господа, это чучело встретить-то успели?

Я снова взглянул на Лерку, уж очень мне было интересно, как она выкручиваться будет.

– Прошу прощения, дорогой Николай Михайлович, – проговорила та. – Я неосторожно ввела Вас в заблуждение. Дело в том, что у нас в Австралии поручик Ржевский – это такой народный герой анекдотов. Гусар, лихой рубака, но при этом пьяница, бабник и невозможный пошляк. Саш, расскажи что-нибудь.

Опаньки! Вот так вот! Давай, Саша, выкручивайся!

Батлер с интересом уставился на меня. А я не на шутку озадачился. А попробуйте-ка вот так запросто без подготовки рассказать в приличном обществе анекдот про поручика Ржевского. Пораскинув мозгами, я всё-таки вспомнил один:

– Утро. На крыльцо выходит поручик Ржевский. «Боже мой!» говорит он «Красота-то какая! И как же я раньше всего этого не замечал?!». «Мать, мать, мать...» отозвалось привычно эхо.

Произнеся всё это как можно более повествовательно, я стал ждать реакции премьер-майора. С полминуты ничего не происходило. Сначала дядя Коля, похоже, ждал продолжения, потом начал осмысливать, а когда, наконец, осмыслил, громко расхохотался, даже ладонью по столу хлопнул.

– Да-а-а! Кто бы мог подумать?! – он ещё посмеялся, а потом совсем уж развеселившись, попросил: – Александр Константинович, не откажите, расскажите ещё что-нибудь. А я завтра офицеров наших порадую, что так, мол, и так Ржевский Ржевскому – рознь.

Я покопался в закромах памяти и рассказал анекдот, в котором Ржевский играл в карты с английскими джентльменами.

– А что означает «Тут масть мне и попёрла»? – не понял товарищ майор.

– Карты хорошие выпадать начали. – Ответила за меня Лерка.

Дядя Коля снова подвис, а потом... он аж пополам согнулся.

– Ну, надо же! – сквозь слёзы смеха проговорил Батлер. – Масть ему попёрла!

Отсмеявшись, наш хозяин осведомился, не хотим ли мы ещё чего-нибудь и, получив отрицательный ответ от обоих, всё же предложил ещё по чуть-чуть. Я согласился охотно, а Лерка наоборот нехотя, но согласилась. Мы выпили за её здоровье, и дядя Коля очень растроганно сказал:

– А знаете, господа, что самое смешное? – спросил нас товарищ майор и, дождавшись наших заинтересованных взглядов, пояснил: – Вот тот поручик из ваших анекдотов до того не похож на нашего Василия Ивановича, что как представишь, что это всё происходит с ним...

И он опять расхохотался. А мы с Леркой переглянулись.

– Простите, а нет ли у него денщика? – осторожно поинтересовался я.

– Да как же нет?! – всё ещё улыбаясь, ответил Батлер. – Петька! Толковый, кстати, парень. Хоть с ним нашему Ржевскому повезло, а то бы совсем... – Он снова махнул рукой, изображая безнадежность поручика. – Вот из Петьки-то если не офицер, то вафмистр точно выйдет!

Мы с Леркой недоумённо переглянулись, и она с какой-то отрешённой серьёзностью произнесла:

– Знаете, Николай Михайлович, если Вы сейчас скажете, что у него ещё и какая-нибудь домработница Аннушка есть, то ручаюсь, жизнь этого офицера изменится до неузнаваемости.

Озадаченный Батлер почесал затылок.

– Он у Фурманова квартирует, а как жену его зовут, я право слово не знаю. Но если это и впрямь на него повлиять может, то непременно разузнаю. Он ведь в батарее капитана Блюхера, мы с ним редко видимся, да и то сказать, глаза б не глядели. Давеча смотр гарнизонный, а у него сабля на правом боку висит! Абизьяна, а не офицер!

Я был в шоке. Ржевский, Василювич, Петька, Фурманов, Блюхер! Да им только Котовского и не хватает!

– Николай Михайлович, – обращается к нему Лерка. – А в вашем гарнизоне нет ли офицера по фамилии Котовский?

Вот значит как! Не у меня одного такие ассоциации.

– В нашем нет. – Уверенно отвечает Батлер. – В Челябинске есть полковник Катковский. А что? Вы с ним знакомы?

– Да полнó Вам! – машет рукой Лерка. – Ну, откуда?! Просто есть у нас в Австралии и другие персонажи. Для анекдотов. Так вот... – Тут она призадумалась. – Ладно. Потом как-нибудь расскажем Вам кто они такие на самом деле. Просто Петька, Василювич, Анка, Фурманов, Котовский и Блюхер, они тоже из анекдотов. Причём все они обычно в одних и тех же анекдотах взаимодействуют.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился дядя Коля. – Расскажите как это.

Лерка опять передала мне слово своим многозначительным взглядом. А я задал вопрос, ответ на который показался мне данный момент особенно важным:

– Скажите, а этот полковник Катковский, он случайно не лысый?

Батлер задумался, углубившись в воспоминания.

– Вроде бы есть у него на макушке небольшая проплешина, ну так ведь и не молод он уже. Шестой десяток, поди. А почему Вы спрашиваете?

Лерка не смогла не вмешаться:

– Просто Котовский из наших анекдотов выбрит под ноль.

– Да. – Подтвердил я. – Некоторые анекдоты и построены на этом. Ну, что он совсем лысый.

– Расскáжите? – с надеждой в голосе спросил Батлер.

– Николай Михайлович, – вмешалась Лерка. – У нас с Вами остался не решённым один важный вопрос. Сколько Вы нам будете платить за обучение Ваших солдат?

Николай Михайлович расстроился. Ему, конечно же, хотелось ещё анекдотов, тем более что они про таких знакомых ему людей, но он ведь сам пригласил нас поговорить о деле. А сейчас разговор так не вовремя переключился на такую неудобную тему как деньги. Он с явным неудовольствием перестраивался на серьёзный диалог.

– Господа, сколько времени займёт обучение солдат?

– До какого уровня? – вопросом на вопрос ответила Лерка.

Батлер помолчал, соображая, а потом поступил в точности как Лерка:

– А какие бывают?

Теперь мы с Леркой задумались. Я-то уж точно. Информация о поясах и данах ему никак не поможет. В смысле ясности не внесёт. Измерять уровень подготовки бойца в количестве среднестатистических трофимов, которых он способен победить за один заход?

– Николай Михальч, – начала Лерка. – В каратэ существует своя система оценки уровня подготовки бойца, но в Вашем случае она не подойдёт.

– А как быть? – Батлер поёрзал на стуле. – Вот до вашего уровня сколько их учить, к примеру?

– До моего? – изумилась Лерка.

– Ну, да! – товарищ майор, наверное, думал, что нашёл гениальное решение по измерению уровня подготовки своих солдат.

– Эк Вы хватили! – опешила Лерка. – Я восемь лет училась!

– Да-а! Долго! – погрузнел Батлер.

А я подумал, что дядя Коля рано отчаялся. И тут я вспомнил про другого дядю. Про соседа дядю Толю. Вот именно! В армии краповых беретов, считай, за полгода учат. А это уже почти что мой уровень. Вот только их там всё время гоняет толпа инструкторов, а нас с Леркой двое. И опять же туда не всех подряд берут, отбор есть. Точно! Надо отбор устроить! Хотя... как нам это поможет, если учить всё равно всех?

– А Вы, Николай Михальч, на какой срок рассчитывали? – спросила Лерка.

– Да я в общем-то про месяц думал, – ответил ей Батлер. – Или два. Или на худой конец три. А восемь лет... Это считай, что и без толку.

– Да нет. – Я решил всё-таки попробовать воплотить идею краповых беретов. – Не без толку! Только всех всё равно не научить, поэтому надо отобрать человек писят наиболее способных. И вот с ними уже через пару месяцев результат появится.

Дядя Коля как-то не уверенно хмыкнул. Но я попытался развеять его сомнения:

– Николай Михальч, решайтесь! Пятьдесят человек – это лучше, чем никто.

– Да-а-а! – согласно покивала Лерка. – А с двумя десятками результат был бы ещё выше.

– С двумя десятками? – дядя Коля скорее ужаснулся, чем переспросил.

– Ну, да! – кивнула сестра. – Чем меньше учеников, тем больше им можно уделить внимания.

Дядя Батлер задумался. Что он там внутри своей головы думал, понять было трудно. Особенно сбил с толку его первый вопрос, который он почему-то нам задал:

– Господа, а как вам понравилось вчера у мадам Анжелины?

Мы с Леркой переглянулись. Действительно, чей-то он?

– Наливка великолепная! – сообщила ему Лерка.

Я чё? Один не врубаюсь, что тут происходит?

– Или Вы про то, что мы теперь к мещанству относимся? – опять съязвила сестра.

Черета разных гримас вихрем пронеслась по лицу премьер-майора.

– Вообще-то я хотел спросить, не желаете ли вы, господа, чаю откусать с её вот этими... штучками всякими.

Я прям аж выдохнул. А Лерка сказала что-то в том смысле, что чуть ли не из-за надежды снова их попробовать и согласилась прийти. Товарищ майор очень удивился, но вслух ничего не сказал. Хотя, нет, он «покликнул» (не могу не поржать над этим словом) Лизавету, а когда она вошла, повелел подавать чай.

Чай, как ему и полагается, был горячий. Лерка себе быстренько охладила. То есть она, конечно, не читала каких-нибудь заклинаний, во всяком случае, вслух, а просто немного подержала чашку в ладонях и всё. Я тоже попробовал.

В смысле попробовал охладить. Не сказать, чтобы прямо вот так всё взяло и сразу остыло, нет, но чай действительно изменил свою температуру на чуть более низкую.

– Господа, а какого результата вы сможете за два месяца достичь с двумя десятками учеников, специально отобранных, разумеется?

Я посмотрел на Лерку, та вдохновенно что-то пережёвывала. На скорую руку запив, то что она там жевала, Лерка ответила:

– Любой из них без ущерба для себя победит равного ему по силе соперника. И будет довольно уверенно противостоять двоим.

– А Трофиму Синицину? – напомнил о наболевшем Батлер.

Я подумал про полгода, но Лерка была оптимистичней:

– Думаю, что месяца через три уже можно будет пробовать и с Трофимом.

– То есть это ещё не точно? – осведомился дядя Коля.

– Так мы и людей Ваших тоже ещё не видели, и что от них ждать, понятия не имеем! – бодро возразила Лерка. – И, кстати, мы с Вами ещё и в цене пока не сошлись. А деньги для нас сейчас очень важны. Сами же говорили, что на учёбу их много понадобится.

– Верно. Говорил. – Не стал отпираться главный майор Армагорска. – И не только на учёбу.

– А на что ещё нам, мещанам, деньги нужны будут? – с притворным интересом спросила Лерка.

– Строго говоря, Валерия Константиновна, вы ещё не мещане. Чтобы ими стать вам потребно у градоначальника соизволение получить, но тут, я думаю, Ольга вам посодействует лучше меня. За тем к мещанскому старшине нужно, он вас в книгу запишет, и подать ему уплатите. А ещё, – тут он сделал многозначительную паузу. – Ещё вам обязательно обзавестись недвижимостью в городе. Дом там или квартиру, но чтоб непременно свои.

– А просто в гостинице господина Мозеля мы жить не можем? – на всякий случай поинтересовался я.

– Жить вы сможете и у него, но своя недвижимость в городе у вас должна иметься, а то вы и на мещан не потяните. И будете считаться людьми уже подлого происхождения.

– КАКОГО??? – Лерка просто вспыхнула. – Подлого?! Ну, знаете ли!!! – она чуть не задохнулась от праведного гнева.

– Правда, товарищ майор, как-то уж слишком! Вам не кажется? – мне тоже не понравилось, как он нас обозвал.

– Так я вам про это и толкую! Купите себе что-нибудь. Домик какой захудалый или квартиру, и живите на здоровье у Мозеля, а квартиру в наём сдавайте. Какой никакой, а прибыльок. Дельце опять же своё открыть сможете, если что выгодное придумаете. – Он немного помолчал, наблюдая за нашей реакцией. – И ещё, Александр Константинович, порошу Вас всё-таки впредь меня так больше не называть. Не хорошо это.

– А как я Вас назвал? – не врубился я что-то.

– Товарищ майор, ты его назвал. – Грустно напомнила сестра.

Стало неудобно перед Батлером, даже подумал, как бы его в следующий раз ненароком дядей Колей не приколоть.

Глава вторая

Проводить нас до гостиницы вызвался Ерёмин. Всю дорогу он то упрашивал нас научить его драться так же как мы, потому что уже слышал и о моей схватке с Трофимом, то рассказывал о своей мечте стать вахмистром заместа Шемякина, потому что тот хочет стать офицером и выслужить себе дворянство. А то начинал расписывать, как славно учат в местной чародейской школе, и что он, когда выйдет в сержанты, непременно женится на какой-нибудь ворожее, ну, так, чтобы по хозяйству чего полезного умела.

Иногда он начинал рассказывать про то, какой правильный командир Горбунов, и что когда Латышев в статскую службу выйдет, то надобно чтоб непременно Горбунова на его место и поставили. В такие моменты его напарник, которого, кстати, звали Устином (совсем как удава из детской сказки про таинственного гиппопотама), громко соглашался с ним и заверял, что мы ещё увидим, как он в генералы выйдет. Он, конечно же, имел ввиду при этом дядю Колю, а не себя. Хотя, на мой вопрос не видит ли Устин и себя генералом, ничуть не смутившись, ответил: «А хтош ни хочит в гиниралы? Токма шо он!» и ткнул пальцем в Ерёмину. Судя по тому, как они оба расхохотались, вопрос этот не раз уже обсуждался в узком кругу ограниченных лиц.

Пользуясь случаем, я снова попытался выяснить для себя причину крутого поворота в судьбе Горбунова. Ерёмин с Устином наперебой повествовали, про то, как доблестный дядя Коля, выявив затесавшегося в захребетные князья вражину, шпионившего в пользу Филарета, не чинясь, срубил ему башку. «А оно-то вишь как, бригадиры-то князьям головы самоуправно рубить не моги, токмо гиниралам дозволяется!». «Князья-то взбунтовались, дескать, эдак-ту скоро и майоры с капитанами головы самочинно рубить зачнут. А гиниралы такой укорот им дали, что ежели кто шпиён супостатный, тому не то что поручик, а и ефрейтор пушчай без требуналу манифест выдаст!» «А государь-то наш, Тагир-то Борисыч, за самоволие такое осирчал на него люто, и вофси уж в самые солдаты хател, да токма гиниралы его упростили. Царь-то батюшка он ведь у нас хоть и крут, а всё ж отходчив, как ни крути не простой князь, а лазутчик, стало быть, правильно казнил. На том они с министрами и порешили, чтоб посерёдке, значится, ни князьям, ни гиниралам. Так вот, стало быть, значится, и стал Николай-то Михайч из бригадиров прям в поручики».

Пипец какой-то! История мутная до невозможности. Кого не спроси, каждый свою версию озвучивает. Одно понятно, дядя Коля кого-то не того мочканул. Хотя, может, и того, но не вовремя. А с другой стороны, если он уж совсем бы всё не правильно сделал, то не был бы сейчас старшим майором. Хрен бы ему дали снова из лейтенантов, считай в подполковники выбиться. Ладно, война план покажет, а время имеет способность всех по местам расставлять, вот тогда и увидим, кто из ху.

Однако, приехали. Мы распрощались с обоими нашими провожатыми, но Ерёмин, сославшись на мучительную жажду в пересохшем горле, пошёл с нами. Устин напутствовал его словами: «Смотри не засиживайся!»

Я посмотрел на небо и попробовал по примеру Акимыча по его цвету определить время. По форме и скорости движения облаков, я заключил, что три уже было, а шести ещё нет. Когда мы вошли в фойе, оказалось, что и Лерку мучал тот же вопрос, но она его задала Аннушке, обретавшейся на рецепшене. Та практически сразу выдала:

– Четыре, пятый.

Лерка поблагодарила её, и мы пошли наверх.

– Что с майором делать будем? – спросила она у меня, когда дверь за нами закрылась.

– Не знаю пока, а что?

Лерка, бросив на стул свою треуголку и, плюхнулась в кресло.

– Вот что я думаю, – начала она. – Михалыч – крутой мужик, но вляпался в какую-то нездоровую фигню. Сдается мне, что он завалил какого-то перца, только не по понятиям завалил, а тот хоть и важный пельмень был, но тоже лихо накосорезил. Ну, а поскольку сам-то Михалыч не из простых, то нашёл способ снова приподняться. Да и главный... этот... Борисыч... царь короче, тоже, видишь, как решил: и вашим, и нашим. Вроде как бы и приструнил, и лазейку оставил. Вот майор сейчас и будет носом землю рыть, да каждый шанс использовать.

– Ага! И мы для него как раз ещё один шанс?

– Да, и нехилый. – Подтвердила Лерка. – Только надо всё основательно продумать, чтобы и для нас это тоже шансом оказалось.

– Не знай, не знай! – усомнился я. – Пока что на джек-пот не тянет.

– А нам сейчас джек-пот и не нужен.

– Это почему? – я реально не понял, с чего бы нам от джек-пота отказываться.

– Пользы, знаешь ли, не будет.

– Чёй-то не будет? – спросил я и, сняв пинжак с карманами, уселся на диване.

Лерка сразу не ответила, поёрзала в кресле, откашлялась.

– Саня, а вот скажи, сколько у нас с тобой сейчас денег?

Я задумался, поприкидывал. Выходило, что рублей эдак пятьсот-шестьсот. Так и сказал сестре.

– То есть точно не знаешь? – съехидничала та.

– Ну, а когда считать-то было? – возмутился я. – Давай щас посчитаем!

– Пусть даже и пятьсот, – почему-то быстро согласилась на мою прикидку Лерка. – А как, по-твоему, Саша, это много или мало?

– Много! – выдал я, хотя и сомневался в таком ответе.

– А на сколько много? Что купить себе сможем? Квартиру или целый дом?

Я задумался. Получалось, что не знаю. А Лерка ждала. Я пожал плечами.

– Видишь! Трудно сказать что-то определённое. А почему? – снова спросила она.

Я опять пожал плечами.

– Лер, мы же цен ни хрена не знаем! И вообще... – я не договорил.

– Во-о-от! – обличительно ткнув в меня указующим перстом, произнесла она. – А если горячку не пороть, понаблюдать за ситуацией, пообтереться? Что тогда?

Я задумался. А правда, если всё потщательней обмозговать, то можно с Батлером и поторговаться. Только и предложить надо что-то такое, от чего он ну просто не захочет отказываться.

– Я смотрю, до тебя доходить стало. – Заулыбалась Лерка.

– Ну да, ну да! Пообтереться – это твоя правильная мысль. Заприкинуть чё почём... А то как бы не получилось, что за гнилые сухари будем работать.

Лерка засмеялась.

– Ладно, чем займёмся? – спросила она.

– Сейчас или вообще? – уточнил я.

Лерка хмыкнула.

– В принципе меня интересует, что ты думаешь по обоим поводам.

Прикольно. То есть опять всё мне придумывать? Так значит? Карашо.

– Сейчас нам нужно заняться тем, что спланировать наши дальнейшие действия! – ловко выкрутился я.

Лерка снова засмеялась. В этот раз уже менее добродушно.

– И как ты представляешь себе процесс планирования? – катнула она мяч на мою половину поля.

Этот словесный пинг-понг мог бы ещё долго продолжаться, но под лежащий камень вода не течёт, так что надо переходить к чему-то серьёзному.

– Лер, а у нас вот прямо сейчас какое положение сложилось? Вот прямо к этой минуте?

– Ты о чём, братец?

– Ну, вот смотри, Лер, – Начал я. – Жить у нас пока есть где. Так? – Дождавшись от Лерки утвердительного кивка, продолжил: – И на что жить, пока тоже есть. Если с нашими деньгами сравнивать, у нас никак не меньше миллиона.

– Я думаю, не меньше двух. – Уверенно заявила напарница.

Я не разделял её оптимизма, но вслух сказал:

– Тем более!

– А дальше?

– Да! Вот сейчас деньги у нас есть, а дальше? Дальше мы их, где будем брать? Не драться же постоянно. Ну, покажем мы народу ещё пару трюков, типа двое на одного, а ну как не выйдет? Вдруг двоих не ты, не я не завалим, тогда что? Выйдут два Трофима, или Емельян с Шемякиным, и всё, привет!

– Постоянно драться – это не вариант! А вот учить других... – Взгляд у Лерки стал каким-то блуждающим, как у человека, у которого мысли в голове гопака пляшут.

– Ты сейчас про местных вояк? Думаешь, дядя Коля нам бабла широкой лопатой отвалит?

Вместо ответа сестра вдруг расхохоталась, да так задорно, что я даже удивился.

– Ты чё? Представила целый «КамАЗ» местных баксов? – спросил я у неё.

– Не-е-ет! Просто вспомнила, как эти двое рассказывали, что прорабам князей без разрешения убивать нельзя.

– Кому-у??? Прорабам?!

– Ну, или кем там Горбунов был?

– Бригадиром!

– Ну, уж если прорабам нельзя, то значит, бригадирам вообще без вариантов! Са-а-ань, а кто такие бригадиры? Это круче чем старший майор?

– Круче! Бригадир – это бригадный генерал по-нашему.

– А у нас чё? Реально бригадные генералы есть?

– Нет! У нас нет. У нас комбриги были.

– Сань, а комбриги – это кто? – Лерка спросила так, как будто я над ней издеваюсь.

– Ты фильмы про начало войны смотрела?

– Шутись?! Конечно!

– Ну, вот там у военных знаки различия не на погонах, а на петлицах. – Сказал, а сам подумал, что про петлицы она тоже может не знать.

– На чём?

– На петлицах. Это такие штуки на воротниках. У кого кубари, у кого шпалы, у кого треугольники. А у комбригов было по одному ромбу.

– Это типа круто?

– Комбриг, он же бригадный генерал, он же бригадир – это такое звание, чин по-здешнему, между полковником и генерал-майором.

– А он старше чем, полковник?

– Старше.

– То есть он – старший полковник? Или младший генерал?

– Лер, вот ты смеёшься, а в китайской армии сейчас есть такое звание – старший полковник.

– Надо будет у Шена поспрашивать.

– Блин! Не сейчас здесь, а там в нашем времени!

– А-а-а-а... И типа дядя Коля был здесь таким вот старшим полковником?

– Да. Ну, и как тебе? Круто? Между прочим, Ольга в этих всех чинах разбирается.

– Конечно! Ей же партию выбрать надо!

– А тебе, Лерочка, как будто не надо? Или чё? Бригадиры – это ни о чём? Нам мещанам неровня?

Лерка скорчила мордашку:

– Бригадиры – это стрёмно, им князей без спросу убивать нельзя!

Ну да, ну да! Это важный фактор. Просто основополагающий.

– А вот Татьяне Лариной не в падлу было.

– Так она же за генерала вышла! – Проявила Лерка знание классики.

– Вышла-то она за генерала, а вот отец у них с Ольгой бригадиром был. – Продемонстрировал я ещё более глубокую осведомлённость. – Смиренный грешник Дмитрий Ларин господний раб и бригадир под камнем сим вкушает мир.

Лерка покивала головой, с понтом впечатлилась.

– Ладно, бригадир, что делать будем? – осведомила она.

– С Горбуновым? – переспросил я.

– Ну, с ним в целом понятно. Надо помочь, только надо придумать как. Я про остальное.

Деньги и правда, как-то зарабатывать нужно. Бизнес какой-нибудь замутить?

– Наверное, да. Батлер тоже про бизнес говорил, когда про недвижимость рассказывал. –

Вспомнил я.

– Батлер – это Горбунов что ли? – Наморщилась Лерка.

– Ага! Дядя Коля!

– Ты поосторожней кликухи раздавай, а так и будешь: дядя Коля да дядя Коля.

– Ну, да! Ольга же его так называла.

– Сань, ну, где ты, и где графиня Морозова?

– А ты, кстати, не её ли дедушку ликвидировать собиралась, когда распрягалась, что бригадиры – лохи, и им князей мочить нельзя?

– Ну, он мне пока ещё ничего плохого не сделал, а то ведь я не посмотрю кто там кому князь, а кто бригадир.

– Да-а-а! А ты оказывается совсем бескровопоощадная. – Придумал я определение леркиному взгляду на жизнь.

– А вот разных толерастных пацыфёров не спрашивают! Сходи лучше вниз и добудь пару листов бумаги, а то карандаш у нас есть, а писать не на чем. Не на карте же.

Я встал.

– И это... если опять любовь свою встретишь, не задерживайся.

Получив подобное напутствие, хочется сделать всё с точностью до наоборот, но это уж как выйдет. Для начала я сам вышел из номера и пошёл вниз. Внизу я встретил всё ту же Аннушку и ...

– Агата Григорьевна, да вот он сам идёт! – указала на меня Аннушка.

Увидев, что у дежурной горничной уже есть «посетители», я, было, остановился, но коль скоро речь зашла обо мне, всё же продолжил спускаться.

– Здравствуйте, Александр Константинович! – сделав лёгонький книксен, поприветствовала меня шатенка Лариса. – Рады Вас видеть!

– Добрый день, милые барышни! – сказал я, изобразив некое походное подобие поклона.

Лариса с Агатой переглянувшись хихикнули. Блондинка Агата тоже весело книксанула и без каких бы то ни было упоминаний про доброе время суток и вообще перешла сразу к делу:

– Александр Константинович, а вы с сестрой на ужин сегодня придёте?

– Агата! – одёрнула её шатенка.

– Приходите-приходите! – весело зашебетала блондинка Григорьевна. – Нашего полку прибыло! Шестеро сегодня из Исетьевска приехали, а вчера два молодых человека из Самары.

Тва-аю ма-а-ать!!! Земляки! Хреновастенко! Но я улыбаюсь, как будто заинтересовался.

– Из Самары? Скажите, пожалуйста! – удивляюсь я совсем как по-настоящему.

Хотя, какой к чёрту КАК?! Изумление совершенно реальное. Судорожно начинаю сообщать, чем нам это грозит. На всякий случай делаю вид, что перепутал:

– Самара – это же аж за Тобольском? Нет?

– Что Вы! – смеётся Агата. – Самара – это совсем в другой стороне!

– Да, – говорит Лариса. – Это на Итиле, на самой границе с Русией. Представляете?

Ещё бы я не представлял, где Самара. Я вот где Армагорск представляю себе только примерно, а где Самара я лучше них понимаю. Но им пока что, знать об этом ни к чему.

– Мы вас вчера ждали-ждали, а вы не пришли. – Как бы упрекая, проговорила Агата.

– Агата! – опять одёрнула её Лариса. – Верно, Валерии Константиновне отдохнуть понадобилось после **такого**. – Она так выделила голосом слово «такого», что я заподозрил об их осведомлённости на счёт махача с Трофимом. Да и про Шемякина им тоже уже могли рассказать.

Я подумал, что рано или поздно, но рассказать всё равно придётся, как что лучше уж сами, чем они всяких слухов наслушаются, простите за тавтологию.

– Наверное, придём, – сказал я, чтоб отвязаться. – Сейчас с сестрой поговорю. Аннушка, а нет ли у вас в хозяйстве бумаги? Нам бы листочков штук пять-десять.

– Десять? – глаза у Аннушки округлились, да что у Аннушки, у Ларисы с Агатой и то выражения на лицах были такие, как будто я не знай чё попросил. – Я скажу Дмитрий Францевичу, может и есть. – Сказала она неуверенно.

Тут я подумал, что у них тут с бумагой дефицит какой-нибудь может быть, а я такой: «Листов десять». И что характерно, мимоходом так.

– Глаша вернётся, я схожу к Дмитрий Францевичу, – заверила меня Аннушка.

– Приходите. Мы вас ждать будем! – с радостной надеждой произнесла блондинка Агата.

– Хорошо. – Улыбнулся я и пошёл назад.

– Чё с бумагой? – приветствовала меня сестра.

Я снял сюртук и подумал про тапочки.

– Слушай, завтра в городе надо что-нибудь типа шлёпанцев купить, – сказал я в ответ.

– Угу, – согласилась Лерка. – Халатик и пижанку.

– Я серьёзно.

– Да нет проблем! Купим.

Я уселся на диван. Лерка повторила свой вопрос:

– Так чё с бумагой?

– Это... Я там внизу Агату встретил, ну, помнишь, блондинка такая, всё с вопросами разными лезла?

– Помню, и чё?

– Ну, вот они там с Ларисой спрашивали, придём мы сегодня ужинать или нет.

– Не охота, если честно, – лениво ответила Лерка.

– Лер, они говорят, там два парня из Самары приехали.

Лерка задумалась. Побарабанила пальцами по подлокотникам.

– Сань, ну приехали и приехали. Нам-то чё?

– Так это... типа земляки.

– Да какие они земляки? Про что мы с ними говорить-то будем? Про институт, про наш? Или про чё? У нас ведь нет никаких общих знакомых, там же даже улицы по-другому называются. Не-е... – махнула она рукой.

Я попытался осмыслить её слова и найти хоть какие-то аргументы против, но по всему выходило, что права Лерка, никакие они не земляки. Так... и тоже мысленно махнул рукой.

– Лер, я вот что подумал, – начал я. – Нам ведь, наверное, нужно сказать им, что мы теперь не дворяне. Это же важно в этом мире. Как думаешь?

– Надо, конечно, только они и так скоро узнают.

– Лер, давай лучше мы сами скажем, а то будет как с Горбуновым.

– В порутчики разжалуют? – усмехнулась сестра.

– Нет, я не об этом. Вот мы, сколько ни спрашивали, нам всё время разное рассказывают, то дуэль какая-то, по версии Татьяны вообще из-за женщины, а то он шпиона поймал, то князя казнил, то графа на куски изрубил, то генерала, то ещё что-то, а за что разжаловали не понятно.

– Шен приедет, спросим, – сказала Лерка, и сказала-то так, словно ей вообще пофиг.

– Лер, да я не про то. Просто если сами не расскажем, то и о нас будут всякие небылицы сочинять. Тебе это надо?

Лерка вздохнула, с понтом устала очень:

– Сань, да они хоть так хоть так сочинять будут. А вообще... ты, наверное, прав: так хотя бы меньше.

– Что мы им скажем? – Спросил я, чуть помолчав.

Вместо ответа Лерка просто пожала плечами.

– Сань, а с бумагой-то чё? – спросила она после пяти минут молчания.

– Аннушка сказала, что узнает у Мозеля.

– Капец! – воскликнула Лерка. – Даже с бумагой проблемы!

Она покачала головой в знак своего искреннего разочарования. И снова наступила тишина.

– Слушай, Лер, а может у них тут её ещё не изобрели? – обрадовался я возможности что-нибудь «открыть».

– Ты чё? С дуба рухнул? Я же вчера в этом... – Она пощёлкала пальцами. – В ателье. Я там, на бумаге рисовала!

Блин! Точно! Плохо. Одной надеждой меньше.

– А ты чё? Хотел типа изобрести что ли? – усмехаясь, осведомилась напарница поключениям.

– Ну, была мыслишка. – Не стал закипать я.

– А ты типа бумагу делать умеешь?

– Нет. Так только общую идею знаю.

– Так ведь этого, братец, всё равно не хватило бы! Хха! Идею! Тут, знаешь ли, весь процесс знать надо. И уметь. – Тонот нотации увещевала она.

– А ты типа умеешь?! – обиделся я.

Лерка подобралась и серьёзным тоном сообщила:

– Ты можешь мне не поверить, но я-то как раз умею. – Она посмотрела мне в глаза, ожидая реакции.

В моём взгляде, наверное, отразилось полнейшее недоумение, потому что, не дождав-шись от меня ни слова, она сама всё объяснила:

– Когда училась рисованию, нас учили делать бумагу.

– За каким? – сейчас я поминал не намного больше.

– Да, ни зачем особо-то.

– Ну, если ты и вправду умеешь делать бумагу, то давай прикинем, может, это на бизнес потянет.

– Да нет... – Сморщилась Лерка. – Нас же бумагу-то учили делать из макулатуры, так что на бизнес никак не потянет. Да и качество там было соответствующее, как ты понимаешь. – И тяжело вздохнув, развела руками.

Ладно. Нет, так нет.

– Лер, а этим что говорить будем?

– Дак, а что мы им скажем...

Она не договорила, потому что в дверь постучали. Я встал и пошёл открывать. На пороге стояла Татьяна. В руках она держала несколько листов сероватой бумаги, примерно формата А2.

– Только четыре листа нашлось. – Сказала она, как бы даже извиняясь. – Больше нет. Только если послезавтра в городе купить.

– Да нам хватит. – Успокоила её Лерка, вставая навстречу.

– По две копейки. – Сообщила посетительница.

– По две так по две, – легко согласилась Лерка. – Саша, заплати, пожалуйста.

Я кивнул и полез за деньгами, параллельно размышляя о какой-то странности ситуации, которую почувствовал, но никак не мог осознать.

Приняв от меня гривенник, Татьяна промолвила что-то вроде: «Я сейчас», и удалилась. А я, глядя ей в след, про себя отметил, что все эти заботы настолько выбили меня из колеи, что я даже о девушках думать перестал.

– Не грусти! – донеслось из-за спины. – Щас вернётся твоя зазноба. Со сдачей. Поворкуете. Стихи ей считаешь. А я к себе.

С этими словами она и вправду удалилась, оставив вопрос об ужине в обществе будущих сокурсников нерешённым.

Я посмотрел на бумагу. Такое качество в нашем мире имела только упаковочная бумага: серая, грубая, шероховатая, ни в один принтер не пошла бы точно. Я проверил её на предмет пропорций сторон, то есть взял и сложил пополам длинную сторону, слегка придавил, чтоб посмотреть какой размер получится у листа А3. Получалось, что если большой лист, ну, тот который принесли, разрезать надвое, то половинки будут казаться вытянутыми. Ага! Значит, у большого листа нестандартные пропорции. Я задумался. А что мне это, собственно даёт? Нестандартные и нестандартные, и чё? Кстати, совершенно не обязательно, что те листы, которые нам принесла Татьяна, стандартные по местным меркам, могли быть уже кем-то подрезаны до нас. Да и до Мозеля тоже.

Интересно, а Лерка сможет делать такую бумагу? Хотя, две копейки за лист... так миллионов не наживёшь. И тут я понял, что меня смутило в самом начале. Стоп-стоп-стоп! Это по меркам нашего мира две копейки – это копейки и есть, а тут на две копейки мы с Леркой два дня с полным пансионом можем номер в отеле господина Мозеля снимать. Так что тут это отнять не мелочь! Пятьдесят листов – это рубль, а пятьсот – золотой! Круто! Круто? Я задумался. А по сколько листов в день мы сможем делать? Если по пятьдесят, то и начинать не стоит. Но с другой стороны, рубль в день – это триста шестьдесят пять рублей в год, то есть тридцать шесть с половиной золотых. Как раз на оплату за обучение одного из нас.

Ну что ж, всё не так уж и безнадежно, надо будет с Леркой ещё разок поговорить про бумагу. Я уже начал мысленно развивать производство, нанимать работников, изобретать станки, когда в дверь постучали. На пороге стояла Татьяна. Вручив мне сдачу, она не стала сразу убегать, а мельком оглядев комнату, спросила:

– Александр Константинович, а правда что сестрица Ваша Трошку-драчуна до смерти побила?

Да... земля слухом полнится!

– Нет! – говорю. – В смысле не до смерти, но зато три раза.

На лице у Татьяны удивление сменяется восхищением, потом ещё чем-то. Она снова спрашивает:

– И стрельцов тоже всех побила?

– Нет, только Шемякина. Да и его не сильно, так упал и всё.

– А его-то за что? – изумлённо вопрошает Татьяна.

– Татьяна Андреевна, Вы может, присядете?

– Нет-нет-нет, Александр Константинович, дел у меня много. Побегу я. – И разворачивается.

– Татьяна Андревна, Вы давеча про Шемякина спрашивать изволили...

Как ни странно, но моя попытка остановить её таким образом, увенчалась успехом, причём сразу же. Татьяна развернулась ко мне, и в глазах у неё пылало любопытство. Я помедлил секунд пять, собираясь с мыслями, и начал рассказ:

– Понимаете, Горбунов со своими не успел к поединку Валерии с Трошкой и поэтому... – Я подумал, что, в общем-то, не обязательно именно это было причиной их пари, и добавил: – Или ещё почему, но только он предложил ей померяться силами с Шемякиным.

У Татьяны даже глаза расширились.

– Вот. – Продолжал я. – Даже восемь золотых на него поставил.

– Восемь золотых! Да это же... – Она не договорила, прикрыв рот рукой.

– Что? Очень много? – не понял я значения такой реакции на мои слова.

– Это половина его годового жалования, – произнесла моя собеседница.

Оба на! Ничёсе! Полугодовая зарплата за пятисекундное шоу! Охренеть!

– Шемякин тоже не верил, что она его свалит, – тут я счёл необходимым прокомментировать: – Они же спорили, что Лерка его с ног сбить не сможет. Во-о-от... А она его в два удара свалила. Тот даже дёрнуться не успел.

– Не верил? – повторила Татьяна. – Я бы тоже не верила. Да никто бы не поверил, наверное... – И она о чём-то задумалась.

– Ну, так вот, Шемякин не поверил на столько, что тоже два золотых поставил.

– И проиграл??? – всплеснула руками Татьяна.

– Ну да, – я не понял, чего это она.

А она закрыла рот уже обеими руками, и сокрушённо покачала головой с выражением лица сильно напоминавшим ужас. Я понял, что чего-то не понимаю, и решил расставить все чёрточки над Ё:

– Да что случилось-то?

Татьяна ещё немного «посокрушалась», а потом всё-таки рассказала о причине такой своей реакции:

– Так ведь и он тоже половину годового жалования... – и она безнадёжно махнула рукой.

– И-и-и?

– Так ведь семья у него.

– А у Горбунова, что нет? – на всякий случай спросил я.

– Нет. У него нет. Да и из поместий ему присылают. Он не обеднеет, а вот Шемякины теперь как? – и снова она покачала головой.

Мне сразу как-то неловко стало, типа малых деток обездолил. Хотя, кого я там обездолил?! Ну, во-первых, не я. Во-вторых, он сам предложил. А в-третьих... в-третьих... А вот нехрен тогда падать было, раз так в себе уверен, что...

– Татьяна Андреевна, я думаю, он не последние деньги поставил. Я бы, во всяком случае, на последние деньги спорить не стал бы. Думаю, и он знал, что делает. – Этими словами я сам себя успокоил окончательно.

Татьяна в задумчивости покивала и нехотя проговорила:

– Наверное, Вы правы, не последние...

– Ерёмин, тот тоже от имени остальных три золотых поставил на Шемякина. Вот привёз сегодня.

– Пишка?! Он-то куда?! – казалось, что это известие удивило её сильнее всего. – Надо же! Ерёмин! Пойду Глашке скажу. – Она быстро развернулась и удалилась быстрыми шагами.

Так. И вот что это было? Пишка? Глашка? Что у них тут вообще происходит? Дурдом на гастролях!

Я пошёл к Лерке. Постучал и, дождавшись приглашающего «Да-а-а...», открыл дверь.

– Ну, как? Почитал стихи предмету вожделения? – осведомилась сидевшая на стуле у окна Лерка.

Я не ждал такого вопроса и ответа на него не заготовил. Постояв немного, я решил на эти подколки пока не реагировать, а рассказать о новостях более насущных:

– Прикинь, а дядя Коля с Шемякиным тебе вчера по половине годовой зарплаты про-спорили!

– Да ладно! – похоже, моё сообщение поставило её в тупик.

С полминуты мы просто смотрели друг на друга. Хотя, нет, не просто. Мы тупо смотрели друг на друга. «Тупо» – это очень правильное в нашем случае слово.

– Чё делать будем? – спросила меня сестра.

Я и сам не знал, но одна мысль у меня всё-таки имелась:

– Ну, я думаю, деньги возвращать им точно не стоит. Знали, на что шли.

Лерка согласно покивала.

– И это... – Мысль рвалась наружу, но ещё не оформилась. – А наш майор-то, он оказывается помещик.

– О-о-о. – Протянула Лерка, старательно делая вид, что ей не пофиг.

– Неженатый помещик, – постарался сказать я как можно более многозначительно. Хотя, на кой мне это?

– И-и-и? – предложила мне Лерка продолжить мысль.

– Ну, и вот! – сказал я в значении, сама, мол, думай, чё там *И-и-и*...

Мы снова поиграли в гляделки.

– Ладно. Чё? Чем займёмся? – спросила сестра.

Я пожал плечами.

– Ты бумагу просила? Принесли.

– И-и-и?

– Чё «И-и»? Просила? Принесли. Чё дальше? Для чего бумага-то?

– А-а-а... – Лерка как будто всё вспомнила и, вставая, произнесла: – Пойдём планы на жизнь строить!

Один из листов дефицитнейшей в нашей гостинице бумаги мы разрезали на четыре части. Попролам и ещё раз попролам. Получилось некое подобие листа привычных размеров. Вот на одном таком привычном листе мы и начали составлять план на оставшуюся жизнь.

Лерка сказала, что кексы – это разновидность бисквитов. Сами бисквиты здесь есть, по крайней мере, в ассортименте выпечки мадам Антонины они присутствовали. Если ей подсказать несколько нехитрых рецептов, то дальше с ней можно уже и на коммерческой основе повзаимодействовать. Точно здесь не должно быть безе и сгущёнки. Ну, то что их нет – это ещё не повод радоваться, а вот тот факт, что Лерка знала, как их делать – это уже кое-что. К слову сказать, хорошее такое кое-что.

Напарница также предположила, что здесь может не быть таких вещей как эклеры и шарлотка. Ну, с шарлотки нам прибыль небольшой, потому как её в принципе даже я бы смог испечь, а уж местные в момент бы наловчились. Так что на неё ставку делать точно не будем, разве что тоже подарить рецепт как шаг доброй воли. Ладно, поживём, увидим, как выгодней.

Когда настала моя очередь «изобретать» полезные вещи, я вспомнил, что фрезерный станок придумали значительно позже токарного. То есть, здесь и сейчас его точно нет, да и сам токарный станок перенёс глобальную модернизацию именно при Петре Первом, которого тут могло и не случиться.

Лерка аккуратно занесла эти понятия в список, а потом поинтересовалась, как именно я собираюсь воплощать в жизнь столь наукоёмкие проекты. Не то что бы я не знал, просто очень рассчитывал на сообразительность и природную смекалку Роман Григорича. Сестра похмы-

кала, но спорить не стала. А я всерьёз задумался, не отказаться ли от упоминания таких мега-проектов, как доменная и мартеновская печи. Общее устройство и принцип действия домы я знал. Ну, как знал? В школе по химии готовил пространственный доклад на эту тему. Про мартен знал совсем уж в общих чертах, поэтому на мартене решил не останавливаться.

Ещё под это дело я решил отказаться от продвижения идеи унитарного патрона. Тут, походу, вообще шансов не было. Как он выглядит, я, понятное дело, знал, но понятия не имел о том, как и из чего его делать.

Сошлись на том, что завтра походим по городу и попытаемся выяснить на счёт выпечки. За одно и подумаем, где и как можно наладить её выпуск в промышленных масштабах.

Больше в голову пока ничего не приходило. Нет, приходило, конечно, только всё из ряда невыполнимого, типа паровоза. Его хоть и изобрели аж при царе Горохе, но мне кажется, времена самого Гороха ещё не наступили. Да и как устроена паровая машина, я помнил плохо, а Лерка так и вообще никогда не знала.

По всему получалось, что начинать надо с выпечки. Вот опять получается, Лерка при деле, а я – не пришей кобыле хвост. Хреново. В смысле, ощущать себя ненужным – это хреново. Ладно, может, ещё чего-нибудь соображу.

– Чипсы! – вдруг вспомнил я.

– Сань, ты чё? Забыл что ли? – Лерка только что пальцем у виска не покрутила. – Не вышло же!

– Лер, так вы же их тогда на рынок носили, надо было в пивную. Ну, как закуска к пиву. Понимаешь?

– Сань, к пиву я бы лучше сухариков солёных наделала бы. Вот только надо сначала понять, нужны они тут или нет. Понятно?

Понятно! Как не понять?! Ещё и почтальон Печкин вспомнился со своим нетленным: «Они бы ещё с чемоданом пошли!» Да уж! Хотя...

– Лер, слушай, а ведь чипсы их же... их же дети любят.

Лерка задумалась. И не зря:

– Сань, а как мы их упаковывать будем?

Блин! Точно. Они же не на развес продаются, а в пачках. Стоп! А кто сказал, что на развес нельзя?! Так и говорю.

– Сань, – немного подумав, произнесла напарница. – Давай с чипсами, потом попробуем, когда хоть что-то получится начнёт.

– Хорошо. – Пожал я плечами. Не спорит, уже неплохо.

Надо будет попозже ещё и над мультиками подумать, их ведь и на бумаге делать можно. Мы в школе в тетрадках делали.

Комиксы! А как печатать? Да и про чё комиксы-то? Да-а-а... Пока не катит.

Время есть, будем думать. А пока...

– Лер, мы на ужин-то пойдём?

– Не охота...

– Лер, надо!

– Тогда пойдём, раз надо, – соглашается, потягиваясь Лерка.

Глава третья

В общий зал мы пришли за полчаса до ужина, его теперь подавали сюда, идя навстречу пожеланиям постояльцев. В зале стоял длинный стол, а может, не один, а несколько сдвинутых вместе, но накрытых общей скатертью. Здесь были и те, с кем мы уже познакомились два дня назад, и те, кого видели сегодня впервые.

– Господа! – радостно выкрикнула Агата. – Валерия Константиновна!

Возникшая было тишина, секунд через пять сменилась радостным гомоном. Наши знакомцы, коих в помещении было большинство, наперебой стали приветствовать нас. Барон Западловский поспешил подойти поближе:

– Госпожа Малиновская, Вы сегодня в мужском костюме? – тоном для светской беседы о погоде осведомился сын папы Карло. – Позвольте ручку.

Лерка отвернувшись от него на пол-оборота, демонстративно оглядела себя:

– Мужской? А по мне так совсем даже женский.

– Это в нём Вы с Трофимом сражались? – выпалила Агата.

– Да. – Быстро согласилась с ней Лерка.

– И со стрельцами? – с надеждой ожидая подтверждения и это фразы, спросила блондинка.

– Ну, на счёт стрельцов, это Вы, конечно, загнули, Агата Григорьевна. – Возразила напарница. – А Вы, Владислав Карлович, с ручками-то поосторожнее. Как бы чего не вышло.

– Понимаю! – заулыбался австро-венгерский барон. – Рукам воли не давать, а то будет как с Трофимом?

Все засмеялись над его шуткой. Я даже и подумать не мог, что у такого человека может быть такое чувство юмора. Лерка тоже засмеялась так, словно и не ожидала от барона подобной реакции на свои слова.

– Нет, господин барон, – сказала она отсмеявшись. – Я имела ввиду совершенно другое. – Она обвела взглядом всех собравшихся и, дождавшись всеобщего внимания, произнесла речь, которую, наверное, как «старший» должен был говорить я. – Дело в том, господа, что после событий на рынке мы имели продолжительную беседу с... Саша, как правильно этот чин называется?

– Премьер-майор. – С готовностью подсказал я.

– Да. Так вот, мы имели продолжительную беседу с премьер-майором Горбуновым. Это заместитель начальника местного гарнизона, если кто не знает. – Она снова оглядела аудиторию. – Как вы помните, прибыли мы сюда практически случайно, поэтому никаких бумаг у нас с собой не оказалось. – Пауза, вызванная глубоким печальным вздохом. – К великому несчастью для нас, на территории Сибирской империи действует закон, согласно которого, мы не можем более считаться дворянами, так как не имеем документов для подтверждения нашего статуса.

Леркин спич вызвал ошеломляющий эффект. Молчали все, даже Агата. Хотя, она-то как раз первой и опомнилась:

– Это из-за стрельцов, которых Вы поколотили?

Мда! Теперь даже у Лерки слов не было.

– Да каких стрельцов, Агата Григорьевна?! – вступил в диалог я. – Одного только Шемякина. Да и то, сам Батлер... Э-э-э... Горбунов и предложил Валерии попробовать сбить его с ног, даже восемь золотых поставил на то, что у неё не выйдет. А у неё очень даже вышло!

– А кто такой этот Шемякин? – тут же осведомилась блондинка.

Мы с Леркой ответить не успели, за нас это сделала Татьяна:

– Шемякин – это вахмистр из пехотного батальона господина Горбунова. Он здоровенный и сильный как медведь, намного сильнее Трошки.

Все посмотрели на неё.

– А Батлер? – спросила Агата.

Но поскольку спросила она это у всё той же Татьяны, то в ответ племянница хозяина гостиницы только плечами пожать и смогла. Тогда блондинка повернулась ко мне:

– Ну, как же? Вы же сказали, что сам Батлер тоже вмешался.

– Да, да! – подтвердило сразу несколько голосов.

– Господа! – обратилась к публике Лерка. – Просто Николай Михалыч очень похож на одного человека из Кэрнса по фамилии Батлер, вот Саша и оговорился. – А в меня глазами метнула молнию, от которой у людей похлипче кровь бы в жилах не просто застыла, а прям-таки кристаллизовалась бы, но я устоял.

– Простите, господа, Николай Михайлович – это и есть Горбунов? – спросил как бы у всех сразу молодой человек, которого в прошлый раз я здесь не видел.

– Да. – Ответила Лерка.

Молодой человек встал и, обращаясь теперь уже к ней спросил:

– А не тот ли это полковник Горбунов, которого лет десять назад за самоуправство разжаловали в солдаты?

О, как!

– Не в солдаты, Алексей Сергеич, а в поручики! – очень резко вмешалась Татьяна.

Значит, молодого человека зовут Алексей Сергеич. Когда означенный Лёха повернулся к Татьяне, я счёл возможным внести свою лепту:

– И не полковник, а бригадир. А Вы что, знакомы с ним были? – вопрос, конечно, провокационный, молодому человеку на вид лет шестнадцать, максимум семнадцать, не мог он быть знаком с Батлером, даже если вся эта история о нём.

– У нас в Самаре только совсем маленькие дети о нём не слышали! – с вызовом ответил Лёха Сергеич. – Приехал, начал как у себя в казарме распоряжаться. Глава Ставропольского уезда напомнил ему, что здесь и своё начальство есть. Так этот Горбунов его на месте зарубил. Это статского советника-то! Говорят, голову ему отрубил.

Оба на! Ай да Батлер! Ай да сукин сын! Ставропольский уезд – это же Тольяттинский район! А, нет, Ставропольский, Ставропольский район. Но всё равно – это же Тольятти! Ни хрена себе, городские легенды у них!

– Алексей Сергеевич! – громко и твёрдо произнесла Татьяна. – У нас в Армагорске бытует мнение, что это была честная дуэль. Хотя, возможно противозаконная и несвоевременная. Но дуэль. Господина Горбунова в нашем городе уважают, и, смею Вас заверить, вполне заслуженно. Поэтому прошу Вас впредь осмотрительнее высказываться о людях.

– Этот статский советник был другом моего дяди. – Твёрдо, но уже спокойнее произнёс «земляк» Лёха и сел на свой стул.

Крутой замес. Надо будет у Шена всё выяснить, а то правда, хрень какая-то: одни одно говорят, другие – другое. Получается тоже то так, то эдак. И не понятно, то ли дядя Батлер – герой репрессированный, то ли поделом вору и мука?

Как бы там ни было, а тема смертоубийственной дуэли закрылась. Даже блондинка не лезла с вопросами.

– И как же вы теперь, Александр Константинович? – спросил меня тот парень, которого я про себя называл Стасиком, а он оказался Матвеем.

Блин-блин-блин! А как у него отчество? Тут же просто так по именам вроде как неприлично... Акимыч? Нет! Нет-нет-нет... Точно! Никодимыч! Да, и это... он Ку-ла-ков, если чё.

– Вы, Матвей Никодимыч, сейчас о чём спрашивать изволили? – уточнила Лерка.

Блин! Ну, вот как она их всех запоминает?

– Я, Валерия Константиновна, имел ввиду, как вы с братом теперь без документов-то обходиться будете?

– Нам господин Ли обещал посодействовать. – Ответил за неё я, хотя, не за неё, конечно, вопрос-то изначально ко мне и был адресован.

– А господин Ли – это кто? – простым вопросом поставила меня в тупик блондинка.

– Господин Ли – член городского совета и друг генерал-губернатора. – Расставила всё по местам Татьяна. Так, а больше-то и не кому, все остальные приезжие.

– Значит, вы теперь мещане? – спросил то ли чешский то ли румынский барон, и я с удивлением заметил, что стоит он теперь не возле Лерки, а вообще на другом конце комнаты. Вот так, уже слился.

– Ну, пока ещё нет, – постарался я удержать хоть какие-то позиции.

– Саша! – оборвала мои жалкие потуги Лерка. – Господин Горбунов ясно дал понять, чтобы мы не надеялись. Так что, да, господа, мы теперь мещане!

– Это ничего. – Неожиданно вступил в разговор тот парень, который и предложил ужинать за общим столом. – Вот школу закончите, станете магами, и тогда уже, почитай, и неважно будет.

– Не скажите, Дмитрий Евграфович, – возразил ему земляк из Самары. – Дворянство, оно и магам не повредит.

– Дворянство и выслужить можно, – добавил Матвей Кулаков.

– А что же Вы себе не выслужили, Матвей Никодимович? – ехидно поинтересовался барон Западловский.

Вот падла! Я поставил себе заметку на память, чтобы с бароном никаких дел не иметь. С этого подонка станется и подставить. Матвей покраснел, но хамить в ответ не стал и ответил вполне даже миролюбиво:

– Другие же выслуживают.

– Другие просто уже на свет появляются дворянами! – эта скотина барон никак не унилась.

– Зря Вы так, господин барон, – попенял ему парень по имени Кирилл, который как я помнил, тоже был из дворян. – Вот прадед мой потомственное дворянство выслужил. Через это мне теперь в военную службу можно не идти. Разве что за титулом, да только тогда уж не за баронским, а за графским, или за княжеским.

Опаньки! А ведь барона-то тут не любят. Эван какую плюху отвалили! Западловский отвечать не стал, а только голову повыше вскинул, мол, видал я вас! Повисла неловкая пауза. Правнук потомственного дворянина – Кирилл – спас положение:

– Валерия Константиновна, сыграйте нам «Полёт шмеля», не откажите!

– Просим!

– Просим!

– Не откажите!

Лерка ломаться не стала, а просто пошла и уселась за рояль. А я подумал, что Кирилл очень вовремя музыки-то захотел, а то я уже начал думать, что делать, куда присесть. Мы же мещане, а в этом обществе только дворяне и купцы, как бы ещё выйти вон не попросили.

Лерка сыграла «Шмеля», «Голубой Дунай», «Амурские волны» и ещё три знакомые композиции с неизвестными мне названиями. А потом появились Аннушка и две незнакомые горничные. Они принесли тарелки с вилками и ложками, приборы, короче. И поставив всё это на край стола удалились. Не успел я подумать, что могли бы и расставить, как вдруг всё внимание аудитории переключилось на Татьяну.

– А покажите ещё раз, как Вы это делаете, Татьяна Андреевна? – попросила Агата.

– Вот так. – Просто сказала Татьяна и сделала движение рукой, после которого над столом пронеслось с полсотни летающих тарелок, и по паре дюжин вилок, ложек и ножей. Так вот почему горничные ничего не расставляли.

– Вау! – это Лерка. Я тоже обалдел.

Выглядело это прям-таки круто, но, к сожалению, других чудес мы в этот вечер больше не увидели.

За обеденный стол мы с Леркой сели поближе к краю, как-никак мы теперь люди низкого сословия, и сидеть на почётных местах нам уже не придётся. Ну, или так: долго ещё не придётся.

Как это ни странно, но за время ужина, наибольшее количество внимания было уделено именно нам. Нас на разные лады расспрашивали о каратэ, о том, как мы теперь без дворянства жить будем, ну, и, конечно же, о нашей родной Австралии.

Про каратэ Лерка высказалась в том смысле, что оно сродни фехтованию, нужно долго и упорно заниматься под руководством опытного наставника. Про дворянство и жизнь без него мы сказали, что чётких планов пока не имеем, но твёрдо намерены выжить и выслужиться в «люди». А вот Австралия...

Я не знаю, видела ли Лерка кенгуру своими глазами, думаю, видела, но рассказывала она про них очень красочно. Примерно в тот момент, когда она перешла в своём повествовании к коалам и сравнила их с плюшевыми медвежатами, выяснилось, что про последних, ну, про игрушечных плюшевых медведей здесь слыхом не слыхивали. Сначала это вызвало недоумение и у Лерки, и у меня, кстати, тоже, но я сделал себе заметку на память, что это дело может угрожать деньгами, если моду на любимую игрушку леди Ди внедрить и здесь. В конце концов, разного рода винипухи и умки – эти милые и добрые ребята были в детстве у всех, кого я знал в нашем мире. А это заставляет задуматься.

Пока Лерка объясняла Агате, сидевшей от нас по диагонали на другом конце стола, кто такие, как выглядят и чем занимаются сумчатые медведи, Кирилл высказал мысль, которую поддержали, пожалуй, все. Только барон предсказуемо воздержался. Кирилл предложил пересадить нас с Леркой в середину стола, чтобы всем было удобно и слушать, и спрашивать. Лерка отказалась в том смысле, что сегодня это одни только неудобства и вызовет, а вот завтра... завтра всегда пожалуйста.

По окончании ужина, посуда была убрана горничными самым обычным, можно сказать дедовским способом. Да, далеко им ещё видать до Шена, так чтоб рукой махнуть, и всё само помылось-протёрлось и на места убралось. Жаль, очень полезное умение.

Лерка снова поиграла на рояле, а Матвей подошёл ко мне и полушёпотом спросил:

– Александр Константинович, Вы давеча обещали рассказать про приборы для отсчёта атомов.

Я причумел, когда это я ему про синхрофазотроны рассказать обещал, даже и не помню.

Чтобы выиграть время на воспоминания и обдумывание, предложил наш высоконаучный диалог перенести если уж не на завтра, то хотя бы на диванчик в уголке, ну, это чтоб остальным не мешать.

– Так что Вы спросить-то хотели? – осведомился я, когда мы с ним уселись на пустующий диван у дальней от рояля стены.

Матвей, приняв очень серьёзный вид, начал:

– Третьего дня, когда сестрица Ваша про часы с четырьмя стрелками говорила, я было подумал, что и атомы у вас в Австралии на обычных же часах отмерять научились. Только никак в тол взять не мог для чего. А Вы, Александр Константинович, тогда ещё сказали, будто для учёта атомов у вас там специальные приборы имеются. – Он вздохнул, наверное, набираясь смелости, и выдал: – Расскажите про них?

Оба на! Ни хрена себе задачка! Да я даже про счётчик Гейгера и то не знаю что говорить, кроме того, что он вообще есть. Тут я вспомнил одну хитрую фразу, которая в такие моменты жизни очень помогает:

– С какой целью интересуетесь, Матвей Никодимович? – блин, а он точно Никодимович? Матвей на Никодимовича среагировал нормально, значит, и я не ошибся.

– Видите ли, в чём дело, Александр Константинович, давно меня интересовало, как измерять очень малые промежутки времени. От учителя естествознания в гимназии я узнал, что часы делятся на минуты, а те на секунды. – Он чуток помолчал, проверяя, какую реакцию вызовут его слова, и продолжил: – Но потом он сказал мне, что читал трактаты по фи-зи-ке, – он произнёс это слово по слогам, и я подумал, что это у них тут не самая распространённая дисциплина. – И что великие умы уже давно условились разделять секунду на шестьдесят атомов. Вот я и подумал, раз третья стрелка на часах нужна для отсчёта секунд, а не для того ли нужна эта четвёртая стрелка, чтобы её отмерять атомы?

– Ах, вот Вы о чём! – меня прямо аж отпустило. – А я-то подумал...

– О чём? – сразу же насторожился «естествоиспытатель».

– Да нет, пустое. – Отмахнулся я, но вопрос со временем всё же решил прояснить. – Видите ли, у нас в Австралии атомами называют совсем другие вещи. Они ко времени отношения не имеют. А для отсчёта маленьких промежутков времени у нас имеются секундомеры. – При этих словах Матвей как бы сник, ну да, название говорящее, он, видать, и понял его дословно. Придётся разъяснить. – Так вот с помощью этих секундомеров можно засекают десятые и, иногда, сотые доли секунды.

Тут его глаза снова просветлели.

– Покажите? – с надеждой спросил он.

– Да помилуйте, Матвей Никодимович, ведь у нас с собой и простых-то часов не оказалось! А тут целый секундомер!

Матвей Никодимыч заметно расстроился. Он немного помолчал, потупившись, потом задал вполне закономерный, но от этого не менее неожиданный вопрос:

– А для чего вы там у себя секундомеры применяли? – и почти сразу же уточнил: – Ну, я имел в виду, в каких случаях?

– В основном на спортивных соревнованиях. – Сказал я первое, что пришло в голову.

– ГДЕ??? – похоже, Матвей про спорт раньше просто не слышал.

– Спорт, это когда люди соревнуются между собой в разных... – Я попытался подобрать подходящие слова, но как перевести слово спорт на средневековый русский так и не догадался. – В разных умениях. Ну, кто быстрее пробежит, или на лошадях кто кого обгонит. – Мне показалось, что я сумел объяснить.

Матвей покивал и задумался.

– Александр Константинович, а секундомер тогда зачем? И так же понятно, кто обогнал. – Он смотрел на меня, искренне не понимая. – А-а-а! Я понял! Это чтобы измерять, кто кого на сколько обогнал! Да?

– Ну, в целом Вы угадали, – уклончиво ответил я. – Просто есть такие виды спорта... Ну, такие виды состязаний, когда одну и ту же дистанцию... Это... В общем... – Я не знал как перевести слово «дистанция». – Когда один и тот же путь одновременно может проходить только один участник соревнований. И кто прошёл быстрее сразу и не видно, тогда секундомером измеряют время каждого. У кого меньше, тот и победил.

Фу-у-у... Блин, вот речугу закатил, аж самому не верится!

– Да-да, я кажется, понимаю. – Радостно улыбаясь, покивал Матвей.

– И ещё так можно сравнивать результаты соревнований с прошлогодними, например. – Похоже, я и сам начал понимать. – И самый лучший результат считается рекордом. Например, какой-нибудь Вася Пупкин пробежал стометровку за девять с половиной секунд лет десять

назад. Но за все последующие соревнования никто больше не пробежал её так быстро, поэтому результат Васи Пупкина считается рекордом. И рекордом он будет до тех пор, пока кто-нибудь, например, Вы, не пробежит быстрее. Тогда Ваш результат становится рекордом и держится до следующего раза. Некоторые рекорды не могут побить долгие годы. Понимаете?

– Да-да! – с готовностью закивал Матвей. – Я только не понял, что он пробежал за девять секунд.

– А-а-а! Не обращайтесь внимания. Это просто у нас в Австралии одна дистанция так называется. – Я про себя чертыхнулся по поводу непонятного здесь слова и объяснил как смог. – Примерно, пятьдесят саженей в длину будет.

Матвей покивал, похоже, идея с засеканием рекордов ему понравилась.

– Александр Константинович, а какие ещё соревнования бывают? – спросил он с очень живым интересом.

– Ну... – Начал вспоминать я. – Ну, там ещё на другие дистанции... расстояния бегают... Так... А! На лошадях ездят, – тут ведь автомобилей нет, так что про Формулу-1 лучше не заикаться. Блин! Да тут же и велосипедов нет. Тьфу! Чёрт! Велосипедов! Надо запомнить, может, как раз и изобретём. – Ещё на лодках кто быстрее плавают. Да и просто плавают, кто быстрее. Да много всего, всё-то сразу и не вспомнишь! – Я посмотрел в горящие глаза купца второй гильдии и сказал: – Я Вам потом-то ещё расскажу, не переживайте! Просто сейчас всё не вспомню. – И развёл руками, мол, извини.

– Да-а! Интересно Вы там живёте. – Покивал головой Матвей. – И всё это ради одной забавы?

– Нет, ну, что Вы?! – Я хотел привести какие-нибудь аргументы в пользу занятия спортом, но понял, что почти всё это действительно только ради забавы. – Считается, что занятие спортом укрепляет здоровье и делает людей сильными и выносливыми. – Тут я вспомнил, что по легенде я, занимаясь спортом, как раз здоровья-то чуть и не лишился, но вслух говорить об этом не стал.

– Спорт – это вот эти все состязания? – предположил Матвей.

Умом я понимал, что на самом деле надо бы сказать, что нет, но тогда нужно будет объяснить, что такое спорт, а нужных слов для этого у меня всё равно бы не нашлось. Так что...

– Ну, можно и так сказать. – Временно согласился я.

– Ну, всё, господа! На сегодня хватит! Надо и на завтра что-нибудь оставить. – Громко сказала Лерка и встала из-за рояля.

Пока мы с Матвеем болтали, она добросовестно развлекала народ. Но теперь она, похоже, подзадолбалась, и нам действительно сейчас лучше свалить к себе.

Мы откланялись и ушли, обещая вернуться завтра и рассказать ещё что-нибудь про Австралию. Ну, и сыграть, конечно, как же без этого.

– Сань, а я не помню, ты на гитаре играть умеешь? – спросила Лерка, когда мы вернулись в свой номер.

Я пожал плечами.

– Так... три блатных аккорда, а что?

– Да как тебе сказать? – это был не вопрос, а наезд. – Я чё, одна должна отдуваться там перед этими господами? Ты давай тоже участвуй! Помогай уже, брат!

Я помялся. Вроде она и права, но если так рассудить, то кто её вообще заставлял эти концерты начинать? А теперь уже всё! Просто так не соскочишь!

– Ну, я не знаю... У меня и гитары-то нет.

– А это ничего. – С готовностью успокоила меня Лерка. – Уж гитару-то мы тебе найдём. Главное, чтобы ты на ней стренькать чего-нибудь смог.

– Лер, – сказал я, садясь на диван. – Дак, а чё стренькать-то? Сама ж говорила, что попса здесь не прокатит.

– Саш, а вот ты возьми и подумай. – И она плюхнулась в своё любимое кресла у окна. – Лепса им спой, или Стаса Михайлова что ли. Чё ты как маленький? Кто, в конце концов, старший брат?

Я задумался. В башку упорно ничего не лезло.

– Лер, – я решил отвлечься от гитарной темы. – Слушай, а у них же тут велосипедов ещё нет.

– О-о-о! Да ты никак велосипед изобрести собрался!

Да. Звучало как-то не двусмысленно даже, а с таким нескрываемым сарказмом, что я даже и не знаю... Короче, идея оказалась обхаяна на самом начальном этапе. Очень по-леркиному. Очень!

– А чем тебе велик не нравится? – всё-таки решил я разобраться с проблемой.

– Да нравится, нравится. Только из чего ты его тут делать-то собрался? Из дерева? Или из чугуна отлить? Здесь же ни алюминьки ни титана нет.

Аргументы серьёзные, но как-то же раньше на них и без титана ездили.

– Сталь есть. – Не сдавался я.

– Сань, он же неприподъёмный будет.

– Михайлов что-нибудь придумает.

– Сань, ну и вот нафиг он ему, придумывать что-то?

Кстати, да. Роман Григорич, конечно, неплохой мужик, но ему действительно может быть не до велосипедов.

– Сань, и ещё здесь нет резины.

А вот это проблема. И ещё какая! Ладно, велосипед нам ещё не завтра изобретать, может и придёт в голову какая полезная мыслишка.

– Саня! – отвлекла меня от мрачных мыслей Лерка. – Ты это... Запиши его в список, а там посмотрим.

Вот, так-то лучше. А то взяла моду, чуть что, сразу критиковать.

Лерка вдруг рассмеялась.

– Ты чего? – незамедлительно поинтересовался я.

– Да я это... представила отлитый из чугуна велосипед, и как ты на нем пытаешься ехать.

Я тоже попробовал представить, мысленно поржал, и подумал, что где-то я про такое уже слышал. Чё-то прикольное ведь было...

– Сань! Саня! Са-а-аня-а-а!

– Чё?

– Ты уснул там что ли? Зову-зову...

– Я это... Песню одну вспомнил. Про велик из чугуна.

– Да ладно! – не поверила Лерка.

– Пру на велике любимом. Он зовётся «Украина», но седло от унитаза, а педаль от пианино...

Я напел всё, что смог вспомнить. Фара мощная от КраЗа и всё такое... И стал обозревать произведённый эффект. Лерка, с глупой улыбкой слушавшая всё это, сначала молча смотрела на меня, потом захрюкала от смеха.

– Ты чего? – не понял я.

– Вот блондинка снова валит! – процитировала она рассмешившую её строчку.

– Ага! Агата!

– Надеюсь, ты не это им петь собрался?

И мы оба заржали.

Глава четвёртая

Я лечу. Нет, я не на самом деле лечу, я сплю. И мне снится, что я лечу. Лечу я на велосипеде. Нет, не на том из хулиганской песни, а на своём, восемнадцатискоростном. Сверху у меня дельтаплан как-то приделан. Я лечу. Покрутишь педали, быстрее полетишь. Куда рулём повернёшь, туда и поворачиваешь. Высота только не меняется.

Я лечу над тайгой. Как вчера. Солнце опять светит в спину. Тайга везде. Где-то вчера были горы. Слетать поискать что ли? Зачем? А какая разница? Тогда надо повернуться налево.

Ага, вон и горы. Лечу к горам. Интересно, а замок будет? Хотелось бы, посмотреть. Лечу. Вон горы, вон тайга. Замка не видно. Жалко. Речка какая-то. В прошлый раз не было. Лечу над рекой. Река извивается, но не сильно. Лечу. Река так себе, метров десять-пятнадцать шириной. Не Волга, это точно.

Я проснулся. Странный сегодня сон какой-то. Хотя, сны, они вообще странное явление. Интересно, а Лерке что снилось?

Сосулька на рукомойнике меня не удивила. Мысленно подогрев воду, я умылся. Сходил на двор. Акимыч окатил меня из кадки, сначала холодной водой, потом тёплой, но он думал, что оба раза холодной. Затем мы с ним побрились. В том смысле, что он побрил меня. Деньги брать с меня Терентий отказался, типа это такой респект за Трошку, но в очередной раз пообещал научить меня бриться самостоятельно.

К завтраку сестра вышла в своём старом платье, это в том, которое пару недель назад ей Дарья презентовала.

– Ты в город в нём пойдёшь? – спросил я просто для того, чтобы спросить.

– Нет, – ответила Лерка. – В город я пойду в костюме.

– А чего сразу не одела?

– Успеется. Если ты помнишь, нам провожатого прислать обещали.

– Кто? – не понял я.

– Твой дядя Батлер, Николай Михалыч, старший майор. Помнишь его?

– Его помню, как он чего-то обещал – нет. – Честно признался я.

Лерка закатила глаза.

– Солдата этого, Ерёмину, который ещё не генералом хотел быть, а вахмистром.

Блин! Странно, я и Ерёмину хорошо помню... А-а-а! Точно.

– Он должен показать тебе все местные пивные, в которых эклеры со вкусом крабовых палочек продаются. Да?

Лерка посмотрела на меня как на дурака, наверное, шутки совсем разучилась понимать.

– Что-то вроде, – неласково выдавила она из себя.

Мы молча позавтракали. Я подумал, что было бы неплохо научиться у Шена так же ловко посуду убирать как он. Ну, так это когда ещё будет!

Лерка села в своё любимое кресло, а я по традиции на диван.

– Лер, а чё те снилась сёдня? – попытался я завязать светскую беседу.

– Тайга. – Коротко, очень коротко ответила она.

– Ты над ней летала?

– Угу.

– Сама или на чём-то?

– На дельталёте.

– Это как? – несказанно удивился я.

– Сань, ну тебя на хрен с твоими велосипедами. – Отмахнулась от меня Лерка.

Дельталёты, велосипеды... и всё в одной куче...

– Лер, ну, расскажи, где летала, на чём, чё видела?

– Над тайгой летала, ничего не видела. – Похоже, Лерке не очень хотелось разговаривать.

– А летала-то на чём?

– На метле, Сань, на чём я ещё могла летать?

Да. Информации ноль. Разговаривать тоже не хочет. Чё делать? А может, ничего не делать? Ну, разве что...

– А я на велике летал, – решил я разговорить её таким способом. – Дельтаплан такой, а снизу у него велик. Сидишь на велике, крутишь педали и летишь. Рулём вправо-влево поворачиваешь.

– Ага, а сзади у тебя пропеллер. – Вставила Лерка.

– Как у Карлсона что ли? – я подумал, что она прикалывается.

– Нет. Не у тебя самого, а у всей этой конструкции. – Пояснила сестра. – Если от педалей на этот винт привод идёт, то получится... велодельталёт.

Оп! То есть она чё, не прикалывалась что ли? Получается, нет.

– А замок видела?

– Нет, а ты что, видел?

– И я не видел. Не было в этот раз замка. Речка была. А у тебя.

Лерка задумалась.

– Знаешь, вроде была речка, только я на неё не отвлекалась, замок искала.

– А зачем тебе замок? – почему-то спросил я.

Лерка пожала плечами.

– Не знаю. Интересно.

А вот, правда, что это за замок такой? Если в следующий раз будет, обязательно посмотрю. Ага! Посмотрю. Как будто это от меня зависит.

– Слушай, Лер. А у нас вообще, какая программа пребывания в городе? Чё ищем?

Напарница посмотрела на меня, как будто что-то обдумывая.

– Может, список покупок составим? – предложил я.

Лерка сделала изумлённое выражение на лице, потом потрясая указующим перстом, произнесла:

– А ведь ты, пожалуй, прав на счёт списка. Давай-ка действительно составим. – Она повертела головой. – У нас бумага осталась?

Как же ей не остаться? Конечно, осталась. Мы же вчера только один лист исписали. Да и то не целый, а четвертинку. И опять же не всю. Ну, этот-то листок он у нас отдельный. Там список предстоящих изобретений составлен.

Я достал из секретера ещё один лист, в смысле не целый, а четвертинку формата А4 и карандаш. И передал Лерке.

– Нет. Давай лучше ты пиши, а я тебе диктовать буду. – Предложила та, тоном, не предполагавшим иные варианты.

– Ну, давай, – пожал плечами я и устроился за секретером.

– Так, значит, – сказала Лерка и задумалась.

Я молча ждал указаний.

– Лер, слушай, а нам, не сегодня ли заказики забирать? – вдруг вспомнил я и посмотрел на сестру.

Она тоже посмотрела на меня, но во взгляде её явно читалось, не то чтобы «Меня нет, и не будет», а скорее наоборот: «Щас вернусь».

– Да, сегодня, – сказала она после минутной прогулки по лабиринтам памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.